

Мелодия эоловой арфы: Томас Рифмач – шотландский предок М. Ю. Лермонтова

Левагина С.Н., зам. директора Областной юношеской библиотеки им. А.А. Суркова

«Опять, как в детстве, веришь, веришь
В то, что добро сильнее зла...
Шотландский вереск, шотландский вереск
Я сорвала...»
Н. Полякова.

В высшей степени достойно отметить юбилей библиотеки, носящей имя поэта, Лермонтовскими чтениями. Но в этом году отмечается еще один юбилей, который сам Лермонтов непременно отпраздновал бы в свой день рождения: 780 лет назад появился на свет Фома Лермонт –Томас Рифмач, живший где-то между 1220 и 1297 годами, шотландский предок Михаила Юрьевича.

Сказание об этом легендарном барде XIII века входит в число лучших европейских средневековых легенд на равных с его знаменитым творением –романом о Тристане и Изольде. Это единственный в своем роде случай, когда в миф превратились и автор, и его создание. Видимо, в обоих этих сказаниях заложено зерно вечности. Во все века в трудное время люди стремятся сбегать, прежде всего, духовные сокровища. "Как растение, чтобы пережить зиму, сжимается до семени, так высокие духовные устремления были вынуждены облечься в образы сказания и легенды" (Р Майер)¹

М. Ю. Лермонтов познакомился с балладами Вальтера Скотта о Томасе из Эрсилдуна, видимо, еще в процессе освоения английского языка –в возрасте 14 –15 лет.²

Валентин Берестов в одном из своих интервью³ блистательно показал на примере Пушкина, что «сознательная программа человеческой жизни формируется в 14 –17 лет. Завязывается весь жизненный сюжет». И в дальнейшем творчестве разрабатываются уже заявленные в юности темы. Данная посылка, несомненно, поможет нам в применении к Лермонтову, потому что насколько Лермонтов скрытен в своих зрелых произведениях, настолько он душевно открыт в раннем творчестве. И ключ к строкам самого знаменитого стихотворения «Смерть поэта» (1837):

"А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!"
-следует искать именно там.

Юный Мишель, в младенчестве потерявший мать, мучительно переживал презрительное отношение к его отцу бабушки и ее богатых и знатных родственников. Разве мог «захудалый» род Лермонтовых соперничать со Столыпинными и Арсеньевыми! Родству с ними обязан Михаил Лермонтов не только зачислением в привилегированный Пансион, но и трагедией насильственной разлуки с отцом. Не мне судить, виновен ты или нет, -обращается Лермонтов к рано умершему отцу.

Ты светом осужден? Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.»⁴

Отец Михаила Юрьевича прослеживал свою родословную «всего лишь» с XVIII века и начал хлопотать о внесении себя и сына в родословную книгу тульского дворянства только в 1825 году. Хлопоты увенчались успехом в марте 1829 года.⁵ Сыну же этого было мало: он хотел гордиться своим родом, реабилитировать отца в глазах общества.

«Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!»⁶

Лермонтову был необходим знаменитый предок именно по отцовской линии, и он, по языковому соответствию, нашел сразу двух, не решаясь остановиться на каком-то одном из них.

Что касается могущественного испанского герцога Лермы⁷, первого министра Филиппа III, а впоследствии кардинала (Лермонтов дважды рисовал приснившегося ему герцога, увлекся испанской

тематикой, делал запрос в мадридский архив и даже подписывался иногда в 1832-38 годах "Lerma"), то уже после смерти поэта была доказана непричастность его к данному роду. Что может нас только порадовать, потому что герцог Лерма прославился как лихоимец и казнокрад, приведший Испанию к упадку, за что и был выслан из Мадрида после смерти своего покровителя – короля Филиппа, предварительно вернув награбленное в казну. Титул и фамилию герцог Лерма получил в 1599 году по г. Лерма в Бургосе.⁸

Род же Лермонтовых уходит корнями значительно глубже, и шотландская родина, о которой грезил 16-летний поэт, оказалась реальностью.

(Вспомним стихотворение 1831 года «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...»):

«На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля...
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел...»

К сожалению, Михаил Юрьевич не читал затерявшегося в архивах вполне официального генеалогического документа 1698 г. – «поколенной росписи рода Лермонтовых», в которой внуки Георга Лермонта – шотландского «солдата удачи», поступившего на службу к молодому царю Михаилу Романову в 1613 г., называют своим предком того шотландского Лермонта, который в XI веке за помощь королю Малькольму III, сыну короля Дункана, в разгроме Макбета получил поместье Дерси. Если бы Шекспир в своей известной трагедии назвал среди врагов Макбета еще одну – две шотландские фамилии, то это была бы фамилия Learmonth (или Lermont).

Исследователь жизни Георга Лермонта и его русского рода Овидий Горчаков нашел и заснял подлинные родословцы Лермонтов в Национальной библиотеке Шотландии в Эдинбурге.⁹ Детальными родословного древа Лермонтов занимается и созданная в 1991 г. ассоциация «Лермонтовское наследие», объединившая свыше 190 потомков рода Лермонтовых – Лермонтов, живущих в России, Великобритании, Монако, Югославии, Австралии, Люксембурге.¹⁰

По мнению исследователей, с историей рода Лермонтовых связаны многие достопримечательные места Шотландии – Эрлстон, Бервик, Данбер, Дерси, Балькоми, Сент-Эндрюс.

Об этом свидетельствует и герб рода Лермонтовых, который, в основе своей, повторяет старинный шотландский герб Лермонтов. Мы можем и сегодня увидеть этот герб в росписи потолка Башни Коллернай¹¹ в Дерси.

Золотой щит. На золотом поле щита черный шеврон с тремя сквозными золотыми ромбами (веретенами). Остановимся на трех моментах, наиболее интересных для нас.

На гербе Лермонтовых под шевроном (или по-русски, стропилом) – таинственный черный цветок: черная роза, которая отсутствует на щите старшей ветви шотландских Лермонтов, зато нашлемник увенчан красной розой с шипами, а в щите младшей ветви – Лермонтов-Балькоми – таких роз целых шесть. То есть красная роза – эмблема клана Лермонтов. Она символизирует славу, а шипы – печаль. Слава пополам с печалью. Понятно, что это память о победах предков, доставшихся дорогой ценой.

Почему же в гербе русских Лермонтовых красную розу сменила черная? Дело в том, что черный шестилистник (а именно так выглядит геральдическая роза) – символ апостола Андрея Первозванного. Согласно преданию, на шотландский берег Северного моря в районе будущего города Сент-Эндрюса, где и сейчас расположены замки Лермонтов, бурей принесло шедший из Константинополя корабль, на котором ирландские иноки везли мощи Святого Андрея, ставшего покровителем этих мест.¹²

В честь него и был назван город Сент-Эндрюс. Но ведь Андрей Первозванный является и покровителем Руси (вспомним «Повесть временных лет»). Таким образом, черный цветок – глубокий и трепетный символ, объединивший для Георга Лермонта и его потомков две родины – Шотландию и Россию. Соответствующим образом изменился и девиз. На гербе Лермонтов-«Срего» (надеюсь) – часть девиза города Сент-Эндрюса – «Dum spiro, spero» («Пока дышу, надеюсь»). А на гербе Лермонтовых – «Sors mea Jesus» («Жребий мой – Иисус») – вполне подходящий девиз для странствующего рыцаря, ведомого апостолом Андреем.

Кстати, Овидий Горчаков приводил данные о том, что славный Андреевский флаг (с косым крестом, на котором был распят апостол Андрей) привезен в Россию при Петре Великом именно шотландскими моряками.¹⁴ Этот флаг до сих пор присутствует в гербе Шотландии.

И последнее замечание – по поводу формы щита на гербе. А. Б. Лакиер – автор фундаментального труда по геральдике, вышедшего в 1855 году,¹⁵ подчеркивал, что средневековые гербы (в отличие от более поздних) строго различались по форме щита: щит рыцарей каждой страны имел особый вид,¹⁶ и можно было издали определить, откуда прибыл его странствующий владелец. Так вот, форма щита Лермонтов – плоский сверху и закругленный снизу – испанская! Так, может быть, Лермонтов был прав в своих поисках испанских корней? Ведь рыцари, прибывшие в Шотландию вместе с королем Малькольмом III, были из самых разных мест. Впрочем, большинство исследователей считают, что тот первый шотландский Лермонт прибыл из Нормандии. Там, северо-западнее Парижа, до сих пор стоит город Эрмонт, что с традиционной французской приставкой «Ле» мог дать фамилию L'Ermont.¹⁷ Однако и в испанском Бургосе тоже был город

Лерма... Так что вопрос остается открытым. В литературе же Томаса Рифмача называют англо-нормандским трувером.

Сохранились руины замков Дерси и Балькоми, причем последним владела та ветвь дерсийских Лермонтов, к которой принадлежал Георг Лермонт. Он выехал навстречу воинским подвигам из ворот замка Балькоми, а похоронен в Авраамиевом Городецком монастыре под Чухломой¹⁸ – в костромских наследственных землях, дарованных за верную службу.

От замка же его предка Томаса Лермонта из Эрсилдуна сохранилась стена Башни Томаса в Эрлстоне, на которой в 1894 году установлена памятная доска с надписью:

«Он говорил: "Прощай, отцовский дом!
Надолго я прощаюсь с замком древним.
Отныне ты не будешь никогда
Торжеств, пиров и мощи местом славным."»¹⁹

Томас был знатным вельможей и видным землевладельцем. Согласно легенде, он жил в высокой Башне Эрлов, построенной эрлами Марчами (впоследствии – лордами Эрсилдунскими) на краю древнего селения Эрсилдун (округ Мерс, графство Бервик), которое некогда служило резиденцией шотландским королям. По названию поселка Томасу дали кличку Эрсилдун, или Томас из Эрсилдуна. Благодаря необыкновенному поэтическому дару он получил прозвище Рифмач, а фамилия его была Лермонт (Lermont или Learmont).²⁰

Сэр Вальтер Скотт, пламенный патриот своей родной Шотландии, увлеченно собирал материал о Томасе Рифмаче (он опубликовал это исследование вместо введения к рыцарскому роману "Сэр Тристрем" (1802), а позже дополнил и обобщил в вышедшем в Париже в 1838 г. сборнике "The poetical works of W. Scott").

Очарованный образом Томаса Лермонта, Вальтер Скотт даже приобрел в 1812 году владение Абботсфорд, куда вошли и Башня Томаса, и Долина Рифмача, и ручей Лешего, и знаменитый Камень Дерева Эйлден²² – там, по преданию, Томас изрекал свои пророчества. Пророчества Томаса были не менее знаменитыми, чем пророчества Мерлина, еще более древнего барда и волшебника, якобы жившего при дворце короля Артура в VI веке.

Пророчества как особый лирический жанр появились в древней Шотландии еще раньше эпоса. Они слагались аллитерационным стихом в виде длинных притч – монологов без заголовков, вступлений и диалогов. Древние барды – прорицатели, владевшие этим даром, считались избранниками богов. Пророчества Томаса Лермонта были в ходу при королевских дворах, упоминались в творениях известных шотландских поэтов XIV–XV вв: Барбура, Уинтауна, Генри Менестреля (Гарри Слепого), многие из них зафиксированы в рукописях, хранящихся в библиотеках Англии и Шотландии. Впервые собрал и опубликовал их в 1603 г. в Эдинбурге Роберт Вальдгрэй в своей книге «Все пророчества Шотландии»²³

Томас предвидел кровавую битву при Флоддене (1513), где шотландский король Джеймс IV потерпел поражение от англичан. Он предрек союз Шотландии и Англии, который суждено было осуществить потомку из рода Брюсов:

«То будет сын французской королевы.
Он править станет всей Британией до моря;
Из рода Брюсов будет он по крови
В девятом поколенье, я движу».

Этим человеком стал Джеймс VI (1603). В числе пророчеств Томаса Лермонта было и предсказание трагической смерти короля Александра III (1286).

Вспомним еще раз горькие строки Лермонтова про «обломки игрою счастья обиженных родов...»

«Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!»

– обращается поэт к светской черни. Его великий предок Томас тоже стоял у трона – у трона последнего шотландского короля истинно кельтского происхождения Александра III – и был не палачом, а певцом Свободы, Гения и Славы. Причем в буквальном смысле.

По кельтскому обычаю, во время коронации король занимал место на «камне судьбы», а вперед выходил бард, который вел рассказ об истории королевского рода, о происхождении короля, о его наследственном праве на верховную власть...²⁴ Впоследствии тронный камень шотландских королей был встроен в трон английского короля.

Цветы поэзии, сопровождаемые игрой на десятиструнной арфе, канули в Лету, как и другие творения Томаса Рифмача. Удивительно, именно их совершенство, высокий поэтический уровень не позволил им дойти до наших дней, ибо не было в Шотландии своего Ярослава Мудрого, не только наводнившего Русь рукописными книгами, но и создавшего *традицию* записи звучащих устно

литературных произведений. (Благодаря этой традиции, мы и читаем сейчас, через века, и «Слово о Законе и Благодати» Илариона, и «Слово о полку Игореве»). Увы, не то произошло со старинными напевами шотландского барда. Поэт и историк Роберт де Брюнн (1288 –1338) писал во вступлении к стихотворному рыцарскому «Роману о сэре Тристреме»: «Он был бы лучшим из всех, когда-либо сочиненных, если бы его можно было читать вслух в том виде, в каком он был создан автором - Томасом Эрсильдауном», но «...он написан таким цветистым языком и таким сложным размером, что теряет все свои достоинства в устах обыкновенных менестрелей, которые чуть ли не в каждой строфе что-то пропускают в ущерб и смыслу, и ритму отрывка.»²⁵

Таким образом, Вальтер Скотт застал приближенными к подлинным текстам только пророчества Томаса, а его баллады и стихотворный роман –лишь в пересказе. Он воспользовался данным материалом для создания трех баллад о Томасе Рифмаче, положив их на старинный шотландский напев и даже присовокупив ноты. (Эти-то баллады и читал Лермонтов). Первая баллада – о путешествии Томаса в страну фей –народная, вторая –авторская, где использованы дошедшие до нас подлинные тексты некоторых пророчеств Рифмача, частично переработанных Вальтером Скоттом; и третья –о возвращении Томаса в страну фей –тоже авторская, где материалом служат, за неимением утраченных в веках баллад, народные легенды, которые Вальтер Скотт еще застал «живыми» в Абботсфорде, и фрагменты рыцарского романа «Томас из Эрсилдуна». Существует вариант легенды, который приводит в своей книге Овидий Горчаков. Я же остановлюсь на некоторых моментах реконструированной прозаической версии легенды, пересказанной Верой Марковой,²⁶ т. к. эти моменты публикуемого в многих сборниках сказания никак не комментируются и остаются непонятными современному читателю.

Сказание «Томас Лермонт» объясняет нам, откуда взялись прошедшие через века три замечательных прозвища Томаса – Томас Правдивый, Томас Рифмач и Томас Верный.

Верным Томасом назвала его королева фей, когда после поцелуя влюбленного в нее поэта под деревом Эйлден она превратилась в седую старуху. Королева разрешила Томасу уйти, не следовать за собой, если стала ему страшна и противна. Но пораженный горем и сочувствием к ней, Рифмач продолжал любить ее и поклялся сопровождать королеву хоть в ад, хоть в рай. (Позже оказалось, что это была проверка рыцаря на верность, и королева снова стала молода и прекрасна). В этом необычном повороте сюжета (вспомним прямо противоположное поведение Финна по отношению к Наине у Пушкина), на мой взгляд, прослеживаются отзвуки старинных кельтских сказаний. Дело в том, что любовь для древних кельтов – магические оковы, судьба, уклониться от которой постыдно. Женщина могла словом любви наложить на мужчину заклятье –гейс. И стоило трижды произнести гейс, как он становился единственным законом, и не оставалось больше ни долга, ни обычая, никаких других священных уз, кроме этих – «Гнетущих Уз Все Выстрадавшей Любви»²⁷. И герой ирландской саги, действительно, шел за своей любимой на край света и даже на смерть. Ведь и в древнем сказании о Тристане и Изольде, по мнению исследователя Н. Малиновской, волшебный напиток появился только в XII веке, а первоначально это был гейс, который в VII веке наложила на племянника короля Марка Дростана зеленоглазая, рыжекудрая королева Эсилт.

Томасом Правдивым Лермонт назван потому, что, отпустив его через семь лет на землю, королева фей заклала его уста – отныне он должен был говорить только правду- и наградила его даром читать в людских сердцах и предсказывать будущее. Но еще до этого, когда скакали они с королевой в подземное царство, встретились им три дороги. Первая – узкая, тесная тропинка, вся заросшая колючим терном и кустарником, и на каждом шипе капелька крови. Это Путь правды, по которому трудно идти, но в самом конце его – свет, и радость, и слава.

Вторая дорога –широкая, окруженная цветущими лилиями и усыпанная мягким желтым песком – Путь лжи. Многие зовут его дорогой к небу, но в конце этого пути – только мрак, и бесславие, и горе.

Уже тогда Томас заявил, что никогда не пойдет по Пути лжи.

А они скакали по третьей дороге, никак не названной, но, по-видимому, это была дорога поэзии, ибо она то появлялась, то исчезала из глаз в тумане, и попадались на этой дороге воплощенные метафоры. Например, наши путники переправлялись через реки крови. Оказывается, это кровь, пролитая в битвах. Когда реки разливаются, как в половодье, в стране фей узнают, что на земле идет война. А кто как не поэты острее всего ощущают даже те трагедии, которые стали привычными? (Вспомним знаменитые слова Г.Гейне о том, что «мир раскололся, и трещина прошла, сквозь сердце поэта»).

И, наконец, прозвище Томас Рифмач говорит о даре поэзии, с помощью которого Томас выиграл в стране фей на состязании менестрелей золотую арфу, струны которой звенят сами собой, как горные родники или дальние водопады. Он пел там о Тристане и Изольде, и плакали не только дамы, но и облаченные в латы рыцари.

В конце сказания о Томасе к нему, празднующему в своем замке Эрсилдун вместе с лордом Дугласом и его шотландской дружиной победу над англичанами, приходит вестник, сообщающий о появлении у замка двух прекрасных белых оленей. Все сразу поняли, что их прислала за Томасом королева фей. Дело в том, что охота на белого оленя –обычное в средние века иносказание о подвиге во славу Прекрасной Дамы.²⁸ А значит, ручные белые олени –знак, что Прекрасная Дама сама зовет рыцаря к себе. Томас повесил на шею жалобно, как человек, застонавшую арфу, грустно простился с родной Шотландией («На земле тосковал я по королеве фей, а в ее стране буду вечно тосковать по тебе, край мой родной») и ушел вслед за оленями вброд через реку Лидер, и никто никогда не встречал его больше среди живых.

Интересно, что в сохранившемся пророчестве, которое лежит в основе данного прощания из легенды, Томас говорит не только о грядущем разорении своего очага²⁹ («Когда зайчиха принесет зайчат на камне очага»), но и о вырождении самого рода Лермонтов. И это возвращает нас к лермонтовской строке про «обломки игрою счастья обиженного» рода.

Философ Вл. Соловьев считал, что Лермонтов чрезвычайно близок по духу к древнему своему предку и полагал именно Томаса ответственным за две основные особенности Лермонтовского гения: «страшную напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем Я, страшную силу личного чувства» и «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений.»³¹

Примером второй черты – пророческой – В.Л. Соловьев называет стихотворение «Сон» (1841), не имеющее аналогов в мировой поэзии по своей фантазмагории в выражении предчувствия обстоятельств будущей смерти: Лермонтов видел «не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна».

Когда Соловьев писал об этом, еще не наступил, тоже предсказанный Лермонтовым «России черный год, когда царей корона упадет...»³²

Знаменательно, что названную первую лермонтовскую черту – силу субъективности – Вл. Соловьев отмечает также у Байрона, не предполагая, что один из предков Байрона – королевский адвокат Гордон – был женат на Маргарет Лермонт (они жили в замке Балькоми в XVI веке),³³ а значит Байрон является родственником Лермонтова по тому же Томасу Рифмачу.

Есть еще и третья особенность Лермонтовского гения не названная Вл. Соловьевым, но также идущая от Томаса – музыкальность его лиры.

В старинных предсказаниях отмечено, что пройдет еще много-много лет- и Томас вернется на землю, таким же молодым, как был. И снова тронет струны арфы, чтобы зазвучала пленительная песня. И он вернулся, и опять заговорил стихами.

«И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие...»³⁴

Он вернулся, предсказание сбылось, и эти строки принадлежат ему, Михаилу Юрьевичу Лермонтову:

«Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.

Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять»³⁵ .
1830

И мой курган.....
.....есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей»³⁶ .
1831

Р.С. По склону горы Машук, у которой был убит Лермонтов, оказывается, шла дорога в шотландскую колонию («шотландку»)³⁷ .

Примечания:

1. Майер Р. В пространстве – время здесь (История Грааля). – М.: Энигма, 1997, С.354.
2. Шан-Гирей А..П. Воспоминания // М Ю Лермонтов в воспоминаниях современников.- М., 1972.- С.35.
3. Юность. – 1993. – №10 - С.51.
4. Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ужасная судьба отца и сына...» (1831 г.).
5. «Капитан Юрий Петрович Лермонтов внесен в шестую дворянскую родословную книгу Тульской губернии марта 10 дня 1829 г. по исходящей книге за №940" // Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество /Изд. В. Рихтера –М., 1891, С. 81.
6. Из стих. М.Ю.Лермонтова «Ужасная судьба отца и сына...» (1831 г.).

7. Гомес де Сандоваль -и –Рохас Франсиско Лерма (1552 –1623) –первый министр и фаворит Филиппа III, фактически самовластно управлял Испанией. С 1618 г. -кардинал. После смерти Филиппа III (1621) Л. приговорен к большому штрафу за злоупотребления и выслан из Мадрида.
8. Панфилова С.А. Род Лермонтовых // Лермонтовская энциклопедия –М.: Сов. энциклопедия, 1981.- С.467.
9. Горчаков О. Если б мы не любили так нежно: Исторический роман о Джордже Лермонте, родоначальнике русского рода Лермонтовых и его смутном времени –М.: ТЕРРА, 1994.- С.539. *Далее ссылки на О. Горчакова даются по этому изданию с указанием страницы.*
10. О Томасе Лермонте –шотландском предке русского поэта –М.: Ассоциация «Лермонтовское наследие», 1993.- С. 22. *Далее ссылки на это издание даются сокращенно (О "Томасе Лермонте") с указанием страницы.*
11. Там же, С.5.
12. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов Жизнь и творчество /Приложение к факсимильному изданию – М.: Книга, 1989.- С.73.
13. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество / Изд. В Рихтера – М., 1891.- С. 78-79.
14. Горчаков О., С.549.
15. Лакиер А.Б. Русская геральдика – М.: Книга, 1990 –432с. – Историко-литературный архив.
16. Там же, С.29.
17. Горчаков О., С.539.
18. «О Томасе Лермонте", С.20.
19. Там же ,С.2-3.
20. Барскова В.С. Шотландская народная легенда в балладах В. Скотта //Филологические науки –1977 - №2 –С.33.
21. О Томасе Лермонте", С.3.
22. Барскова В. Указ. соч., С.33-34.
23. Там же ,С.34.
24. «О Томасе Лермонте", С.1.
25. Там же, С.2.
26. Замок Монсальват: Легенды европейского средневековья- М.: «Энигма», 1994.- С.210-227.
27. Малиновская Н. Голуби встреч и орлы разлук //Бедье Ж Роман о Тристане и Изольде /Пер. с французского А. Веселовского. Предисловие и комментарии Н. Малиновской – М.: Дет. лит, 1985.- С10.
28. Там же, С.139.
29. Существует латинский текст грамоты 1299 года, найденной В. Скоттом. В ней Томас из Эрсилдуна – сын Томаса Рифмача из Эрсилдуна –от себя и своих наследников передает монастырю Св. Троицы в Солтра право на владение и использование земли "со всем к ней принадлежащим", которой он обладал по наследству в Эрсилдуна со всеми правами, на которые он или его предки могли претендовать. Действительно, как предрекал Томас: «Не будет больше здесь принадлежать Лермонтов роду даже пядь земли!» (Эти сведения приводятся в издании: «О Томасе Лермонте...», С.4-5).
30. Барскова В. С Указ. соч., С.40.
31. Соловьев В. С. Лермонтов// Соловьев В. С. Литературная критика –М.: Современник, 1990.- С.278-283.
32. Из стих. Лермонтова «Предсказание» (1830 г.).
33. «О Томасе Лермонте...», С.9.
34. Из стих. Лермонтова «К Гению» (1829 г.).
35. Из стих. Лермонтова «Гроб Оссиана» (1830 г.).
36. Из стих. Лермонтова «1831-го июня 11 дня» (1831 г.).
37. Горчаков О., С.532.

**Учитель М.Ю.Лермонтова А.З.Зиновьев –
профессор Ярославского высших наук училища и лицея**

Егоров С.А., доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова

*Будем любить и потомков, как современников,
будем жить для них и в них; будем в них видеть
продолжение бытия нашего; будем в поте лица
возделывать землю, дабы от плодов её
насытилось грядущее поколение...*

А.З.Зиновьев

В 1830 году в Ярославское высших наук училище был назначен профессором словесности древних языков и российского красноречия магистр свободных наук Алексей Зиновьевич Зиновьев. Ярославское учебное заведение, основанное в 1803 году по инициативе и на средства ярославского дворянина, статского советника Павла Григорьевича Демидова, имело статус университета, поэтому состоять его профессором могло только лицо, обладающее ученой степенью магистра или доктора. А.З.Зиновьеву степень магистра

была присуждена в 1827 году Московским университетом в результате защиты диссертации по монографии «О начале, ходе и успехах критической российской истории». Это было историческое исследование. Вообще, А.З.Зиновьев проявил себя как ученый с широкой научной эрудицией, но наиболее ярко заявил о себе как теоретик словесности и педагог.

Родился он в Москве в 1801 году. По имеющимся сведениям относительной точности происходил из мещан. Гимназии он не кончал. Образование, вероятно, получил в Московском воспитательном доме, при котором имелись специальные классы для наиболее одаренных воспитанников из числа сирот и детей бедняков для поступления в Московский университет. Заметим, что как в 18-ом веке, так и в первой трети 19-го столетия главный университет России был всеобщим учебным заведением. Поэтому мещанское происхождение А.З.Зиновьева не могло служить препятствием для зачисления в состав его студентов. И в 1818 году он был принят на отделение словесных наук университета. Ему открылась счастливая возможность слушать лекции профессора А.Ф.Мерзлякова, известного поэта, эстетика, автора ряда популярных романсов и песен («Среди долины ровных» и др.) Эти лекции, содержавшие подробный разбор литературных сочинений М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, возбудили в А.З.Зиновьеве беззаветную любовь к поэзии, стремление к научному постижению ее таинств. Небезынтересно отметить, что вместе с ним лекции А.Ф.Мерзлякова слушал его однокурсник Ф.И.Тютчев.

В 1821 году А.З.Зиновьев окончил Московский университет и в 1823 году получил назначение на должность учителя русской словесности и латинского языка в Университетский благородный пансион. Это назначение следует расценивать не иначе как почетное. Благородный пансион был сугубо дворянским учебным заведением. Его программа превышала гимназическую. Обучение в нем было платным. Определение А.З.Зиновьева на службу в это престижное учебное заведение, видимо, связано с тем обстоятельством, что он к этому времени высоко зарекомендовал себя как домашний учитель. Наверное, многое значили в этом плане рекомендации влиятельных дворянских семейств. Кроме русской словесности и латинского языка А.З.Зиновьев преподавал в пансионе историю, по-прежнему давал уроки на дому, выражаясь современным языком, занимался репетиторством.

В качестве домашнего учителя в доме Арсеньевых он готовил тринадцатилетнего М.Ю.Лермонтова к поступлению в Университетский благородный пансион. Давал ему уроки по русскому, латинскому языку, истории и географии. В 1827 году М.Ю.Лермонтов становится воспитанником этого учебного заведения. А.З.Зиновьев продолжает с ним заниматься уже как преподаватель пансиона. Но одним преподаванием дело не ограничивалось. Он состоял как бы главным наставником М.Ю.Лермонтова, контролировал и направлял весь ход его обучения, определял круг преподавателей, которые вели с ним занятия. Словом, был в пансионе наиболее близким ему человеком, которому можно было доверить самые сокровенные тайны души. В 1828 году М.Ю.Лермонтов познакомил учителя с первыми стихотворными опытами, которые получили одобрение с его стороны.¹ А.З.Зиновьев с этого времени всячески способствовал развитию поэтического дарования своего воспитанника, делился с ним своими мыслями о таинствах поэзии, которые в последующем получили дальнейшее развитие в его теоретических трудах. Известный литературовед Л.Н. Гроссман, глубоко исследовавший литературное наследие А.З.Зиновьева, пришел к выводу, что как теоретик словесности и литератор, проявивший большой интерес к современным проблемам поэтики, А.З.Зиновьев оставил заметный след в литературном развитии М.Ю.Лермонтова. Исследователь отмечал, что каждое стихотворение по Зиновьеву должно быть проникнуто музыкой и воздействовать на читателя силою звука и мелодии. По мнению Л.Н.Гроссмана², зиновьевское сравнение поэзии с «музыкой без текста», действующей исключительно силою звука и мелодии, помимо всякого словесного объяснения, легло в основу поэтики М.Ю.Лермонтова. Действительно, стихи великого поэта потрясают и врачуют души прежде всего своей внутренней музыкой, внутренним светом, глубиной и обнаженностью поэтического чувства. Вспомним его знаменитую «Молитву»:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Как все просто, и какая просветляющая душу красота! А.З.Зиновьев во многом, наверное, прав. Сила поэзии, магнетизм ее воздействия не в красивой внешности выразительных средств, не в наборе метафор и эпитетов, а в таинстве поэтического откровения, постигаемого внутренним зрением. Привитие любви к поэзии, умение отличать подлинно поэтические творения от поделок, относящихся к разряду

рифмованной прозы, должно идти на наш взгляд, именно путем развития этого внутреннего зрения, а не акцентирования внимания на внешних красотах стиха. Не они главенствуют в поэзии.

В 1830 году учитель и ученик расстались. А.З.Зиновьев переехал в Ярославль. Ярославское высших наук училище, начинавшее свой исторический путь под эгидой Московского университета, к этому времени было вполне самостоятельным учебным заведением. Однако, в 1833 году с его самостоятельностью было покончено. Преобразованное в лицей учебное заведение вновь причислялось к ведомству Московского университета. Его советом избирались директор и профессора лицея. Учебному заведению придавался камеральный профиль, ему предназначалось приготовление камералистов, т.е. чиновников для службы в сфере управления государственными имуществами, вся

совокупность которых охватывалась общим понятием *камера*. Идея камерализации образования имела немецкое происхождение. Эта концептуально не обоснованная перестройка на немецкий лад облекла учебное заведение имени П.Г.Демидова на хроническое недомогание, поскольку в его учебном плане искусственно соединялись не имеющие внутреннего единства дисциплины, чем порождалась общая и специальная недоученность выпускников. Но профессора лицея, в их числе А.З.Зиновьев, всемерно старались своим самоотверженным трудом восполнить недостатки органического устройства лицея.

Научно-педагогическая деятельность А.З.Зиновьева в Ярославле продолжалась 16 лет. В этот период им были созданы самые значительные научные труды. 29 апреля 1831 года на торжественном собрании Ярославского высших наук училища прозвучала его актовая речь «О цели и главных правилах воспитания», которая, по признанию А.Н.Иванова, принадлежит к числу лучших педагогических сочинений того времени. Серьезным вкладом в педагогическую литературу являются и другие сочинения А.З.Зиновьева, опубликованные в 1843 году в «Москвитянине». В основу его легла речь «О естественном методе в первоначальном воспитании», произнесенная в лицее 29 апреля 1843 года. В Ярославле им написаны лучшие исследования в области словесности и теории прекрасного. Среди них «Основания пиитики» (М., 1836), «О примечательных мужах, оказавших услуги славянской словесности» (М., 1836), «Исторический взгляд на развитие теории художественно – прекрасного» (М., 1841), «Об участии словесности в системе общего образования» (М., 1842) и др.

«Исторический взгляд на развитие теории художественно– прекрасного» получил высокую оценку академика С.П.Шевырева. «Профессор Зиновьев, -- подчеркнул он в своем выступлении на лицейском торжестве по случаю 50 – летия, -- представил верный и прекрасный исторический взгляд на теорию прекрасного».

В этот ярославский период А.З. Зиновьев выступил также с рядом значительных научных публикаций как латинист и как историк. Он автор ряда стихотворных произведений: «Хор благодетелю наук», «Возраст исполина» и др. А.З.Зиновьев занимался также краеведением. В 1839 году в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла его статья «Обозрение Ярославской губернии». Его публикации часто появлялись на страницах газеты «Ярославские губернские ведомости».

К сожалению, в 1845 году лицей претерпел новое преобразование, в соответствии с которым в учебном заведении упразднилась должность профессора словесности, в связи с чем А.З.Зиновьев, оказавшись за штатом, вернулся в Москву и более тридцати лет профессорствовал в Лазаревском институте восточных языков. Волевая акция правительства не пошла на пользу учебному заведению, лицей потерял одного из самых ярких профессоров, находившегося в расцвете творческих сил. Печально, что не состоялась встреча талантливого педагога А.З.Зиновьева с будущим великим педагогом К.Д. Ушинским, который приступил к преподаванию в лицее в 1846 году. Надо полагать, что их творческим сотрудничеством в стенах Ярославского учебного заведения им. П.Г.Демидова была бы вписана примечательная страница в его историю.

Примечания:

1. Иванов А.Н. А.З.Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле.- Ярославль,1966.- С.67.
2. Гроссман Л. Стихотворческая школа Лермонтова// «Литературное наследство». Т.45-46.- М.: АН СССР,1948.- С.255-288.

Лермонтовед И.Л. Андроников с участниками спектакля
«ПЕЧОРИН» (23 марта 1965 года)

**Работа Ф.Е.Шишигина над спектаклем «Печорин»:
(Театр им. Волкова 1964/65)**

Соколова Л.Б., зав. музеем театра им. Ф.Г.Волкова

Сценарный замысел

Ф.Е.Шишигин пишет на листках, начатых 27 марта 1964 года:

М.Ю.Лермонтов

Печорин
(Сценическая композиция) – (?)
М.Д. Волобринского
в 3-х действиях 11 картинах
(инсценировка)
Нач. 27 марта 1964 г.
Ярославль

1. Зерно - Печально я гляжу на наше поколение.
2. Тема – Талантливая натура в бездарное время.
3. Идея – Ненавидеть Печорина смешно; прдражать Печорину глупо; сожалеть о впустую прожитой жизни и ценить то, что дает жизнь сегодня – мудро.
4. Событие – Человек истратил себя на недостойное его ума и сердца
5. Люди – Офицерство, б/свет, лечащийся на Мин.Водах, вообще в большинстве своем бездельничающие паразиты.
6. Сюжет – несколько сюжет. линий. Печорин-Мэри-Грушницкий- Вера- офицеры и т.д. – все-таки все сплетено вокруг дуэли...
7. Действие – Соперничество.
8. Время.
9. Место. 30-е годы 19-го столетия. Пятигорск. Кисловодск.
10. Жанр – Печальные раздумья.
11. Ритм.
12. Образ.
13. Цель.

Работа над спектаклем

Из замечаний на репетиции «Печорина». 21 октября 1964 года.
Ф.Е.Шишигин Салопову и Тихонову:

-Когда по вашей воле пошлость, глупость, мерзость получают щелчок по носу, - у вас очень хорошее настроение! И надо очень орудовать в этом разговоре: и пытливость, и разгадка: - Да, доктор, Вы правы...А иначе все пойдет впрямую.

Тихонов: Доверительный разговор?

Фирс: Да; и все-таки это разговор намеками: «Нам вообще надо молчать, мы без слов понимаем друг друга...Вера – старая любовь, я угадал?» Иначе все ложь, какие бы вы задачи ни брали.

Грушницкий и Печорин.

Если мы говорим, что артистичен и искусен Печорин, - вы думаете этого не имел Грушницкий? Ума только не хватало, но мы сейчас не будем говорить об этом.

...Искусство влюблять было невероятно развито среди молодежи 19 века. Недаром Пушкин писал о науке страсти нежной. Они все были в этом деле академиками, - когда вздохнуть, признаться, упасть на колени! Особенно, когда появились герои Байрона. Это умение, соединенное с вышколенностью, - и все это знал Грушницкий.

Завоеванная позиция

(Фирс от имени Печорина):

- Как я его сшибу! Какой он офицер, он просто юнкер, он еще не имеет права носить офицерскую шинель!..

Явился – и все потерял! Он даже жалок иногда, как Карандышев. Грушницкий – это часто каждый из нас, - больше, чем Печорин.

Можеву:

Феликс, это режиссерская задача, которую я прошу выполнить: не суетиться, ни делом, ни мыслью. Ты уже завоевал ее. Ты только побольше потыми ее процессом вытягивания мысли: «Что мне Россия!» - а уголком глаза увидишь, что у нее ротик раскрылся!

Хорошо – хорошо, Феликс!

Козельской:

- Аллочка, прежде чем сказать, - немного захолонуло, и комочек в горле.

А эта важная сверхзадачная усмешечка будет работать на жанр пьесы.

- Что мне Россия...

- Напротив... *(Феликс шмыгнул носом. Мы засмеялись. Фирс подхватил находку.)*

- Хорошо – хорошо; весь секрет в том: можно очень всерьез, чтобы все дураки всхлипнули на этом месте, пусть они потянутся на сантимент!

Салопову и Козельской:

Вы скажите: они танцевали уже? Что ожидает Печорин от Мэри? Общение между людьми строится часто так: я жду одного, он делает другое, получается третье.

Какое качество поведения Печорина мы ожидаем? Он занят выполнением своего плана: влюбление, приручение Мэри. Но что он делает каждую минуту? Каждый раз ты ищи, - то основное качество, которым он действует на нее, - это неожиданность.

Бывают секунды, минутки: она спокойна: наконец-то я от него избавилась!

И в этот момент он идет: не дерзкий, спокойный, извиняющийся. Одно дело, что она делает вид, а другое – что эту марку надо выдержать, что ты каждую секунду делаешь на уровне княжны Мэри.

Я не навязываю вам ходов и не хочу этого, я только подсказываю, из какой бочки черпать, - из бочки сложностей взаимоотношений, неожиданности Печорина.

Пока у вас работает больше голова, чем чувство. Пока работает черепок, надо развить азарт исследователей. А я буду смотреть, что вы найдете в этих сложных взаимоотношениях. В жизни посмотрите. Вот мы рассорились, и я уверен, что он не подойдет.

Печоринский ход в том, что он подходит! Пустота – когда эти планы начинают доставлять удовольствие, создают иллюзию деятельности, а на самом деле ведь пустота.

«Я слышал, княжна»... - только ты знаешь, Володя, - танец окончен, он отводит ее, секунда расставания, он должен начать говорить, он молчит!

Поставь ее в неловкое положение: можно молчать минуту, полминуты, - это невыносимо, она сейчас убежит! – и тут ты начинаешь говорить. И когда ты поставишь ее в зависимость от капризов своей природы, поведения, - она невольно будет от тебя зависеть! Есть же нормы поведения! И ты не с котеночком играешь. Это кошка своенравная, может и глаза выцарапать, - фигурально выражаясь.

Это определенная атмосфера ваших отношений, - ее надо находить, надо быть естественной, свободной, - чего почти никогда не бывает, кроме довольно смешных забот о естественности, когда ее стараются добиться.

А Печорин всегда свободен, может с невинной миной спросить: «Что с Вами?» Он автор всех затруднительных положений, и он же делает вид, что ничего не понимает.

А что такое Козельская? Ее можно смутить. Ты возьми ее как партнер, и мочаль. А так все со стороны, а не с вами это происходит.

Я сейчас говорю, что начинается такая полоса работы, когда надо влезать в партнера, а со стороны ничего не получится.

Установите себе: слова не могу сказать, чтобы не установить прицела. И тогда вы будете выполнять первую заповедь нашу: все зависит от партнера.

(Алла и Салопов начали диалог, и он на глазах углубился на десять метров. Другие интонации, взгляды, лица, другие колодцы в душах! Смотреть безумно интересно)

Печорин – Мэри – капитан – княгиня Лиговская

Салопову: - Вот это, предупреди ее;

- Мо-жет быть хуже! Никогда не следует отвергать кающегося грешника, вот опозорю за глаза! Гордячка фыркнет и уйдет! Темно, из окон свет, и она наткнется! И кричать «Господин Печорин» нельзя, и мама далеко, и тогда, несмотря ни на что, Печорин герой.

Козельской: - Ты играешь что?

Алла: -Я ищущу защиты.

Фирс: -Защиты. А вот так, чтобы ничего не было: «Что вам угодно?!» - я зову всех, а «Что Вам угодно?» - тет-а-тет, Печорина не надо. Что же? А.

Салопову: «Я прошу вас удалиться», - вот в самую последнюю минуту, когда княжна в обморок готова упасть.

Дубову: - Хотя ты попал в руки человека низкорослого в сравнении с тобой, - в локте руку как током пронзило, и тебе только бы унести ноги.

Салопову: Володя, ты силу направляешь на слова, акцентируешь напор, а когда ощутишь свою руку как клещи, - можешь очень спокойно: «Княжна обещала танцевать со мной».

Не надо сюда, не надо сюда. Сцена расставания.

«Сколько людей мечтают прожить жизнь, как Байрон, а кончают коллежскими регистраторами».

Тихонов: «Как, например, Байрон», - я не очень понимаю.

Фирс: Тут надо разобраться: абсолютная победа, я существую, я живу, я побеждаю, - игра страстей, я победил ее, я победил циклопа, - и какой-то мускул души...(*Фирс – Печорин погас*) – радости нет. Да, смеются, а потом харкают кровью. Кончают титулярными советниками...

Салопову: Володя, если будет мало, я пропущу вас еще через что-то: сделал, идет, и вянет на ходу. И тут: «Печорин, дорогой, герой!» - а он...

Незвановой: Вы должны ощутить, как актриса, - это все будет направлено как в вату, не найдешь звонкого отклика.

Ты будешь знакомиться, Володя, с логикой души Печорина, которая не похожа на твою душу.

Незванова: А почему он такой? В чем причина?..

Фирс: В этих подъемах он хочет найти поднимающуюся жизнь, и охладевает. Фиксация действий подсказывает и причину действий.

А если решать сразу одни причины, без действий, - это все мыльные пузыри.

Есть объективно существующие действия, по которым мы должны пройти, чтобы найти причину.

Явное действие – Отелло душит Дездемону. Но я берегу себя от явного вывода, - мне надо разобраться: почему? Вопрос о причинах поступков, чем дальше мы будем работать, чаще будет возникать. Натура Печорина...

(Перерыв. Фирс: – Сорок пять минут репетировали?! Я сегодня устаю. Думал, что часа два говорил)

Незвановой: Клара Георгиевна, переступать приличие не позволяло, а тут... Событие-то стоило вот такого шрифта, а она печатает!

Салопову: Форма этого поведения – не усталость, не страдание. Поищи. Мозг работает активно, только утрачена радость от того, от чего минуту назад получал удовольствие. Ты знаешь абсолютно, что ты должен сказать и как себя вести. Ни паузы, - тут выполнить обязанность ответа.

Незвановой: Ты бы хотела выйти за рамки, - к сердцу, а он дает ей форму, не оскорбительную. Тут она может погрозить ему пальчиком, 45-летняя, пококотничать: «Ну, Вы дичитесь...» - из монолога устраиваете диалог!

Оскорбил! Нет. Он на грани очень ласкового ответа, но ласкового ответа нет.

Что в Печорине? Вспомните Максима Максимыча: бросился старик после долгой разлуки, и Печорин этому сердцу не ответил. Всю цепь поступков пройдете в переживаниях, и причину поймете. Он не оскорбляет, не холоден, и все-таки княгиня отходит от него...(приблизительно с тем же чувством, как тогда Максим Максимыч).

Салопову: Вот смотри, Володя, - очень важно ощущение своего лица в гримасе, в улыбке. Мы свое лицо ощущаем, если даже не любим смотреться в зеркало. Как Печорин ощущает свое лицо? Я догадываюсь, какое лицо у Грушницкого.

Вот покой прежде всего должен быть в лице, - невероятный покой: у Германа, у Печорина.

Бледнее, чем обычные люди, вот и все, - и абсолютный покой.

Он так смотрит, так реагирует, он, наверное, так и закричит. Я глупость говорю?

Тут не надо обезьянничать, смотреть в зеркало. Кто сказал о лице Наполеона, - Гете, да? – что это раскованная воля. Он хотел польстить. Это интересная штука. Когда мешанин воображает, каким должно

быть лицо сильного человека, он... (*Фирс изобразил надутое напыщенное величие и засмеялся*), а это совсем другое, это абсолютный покой. Кого бы привести в пример?.. Это ощущение покоя на собственном лице очень важно. Если это поза, то это труднейшая поза.

М.Ю.Лермонтов и К.Ф.Опочинин. К вопросу о прототипе Печорина.

Кистенева С.В., г. Углич, ст. научный сотрудник
историко-художественного музея.

Одна черта столь любимых нами книг первой половины прошлого столетия кажется теперь невозвратно утраченной: отстраненное знание прототипов заместило живейшую радость узнавания знакомых. Тогда же автор, герои и читатели легко дышали одним воздухом и можно было жить сразу в двух измерениях - в реальных гостиных Петербурга и в пространстве модного романа. От жизненных ситуаций и отношений на сюжетную ткань ложились бесчисленные тени, автор же то сгущал, то смягчал их, убирал примеси, менял оттенки. Владимир Соллогуб насмешливо сетовал:

"Увы! Я должен выбирать лица своего рассказа не из вымышленного мира, не из небывалых людей, а среди вас, друзья мои, с которыми я вижу и встречаюсь каждый день, нынче в Михайловском театре, завтра на железной дороге, а на Невском проспекте всегда."

У Лермонтова другая интонация:

"Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были известны."

"Я желал бы..."

В последней и самой зрелой его книге определены и названы, кажется, уже все, вплоть до безымянного драгунского капитана. Однако по-прежнему не ясно, что же такое Печорин - автопортрет, портрет (Александра Карамзина или графа А.П.Шувалова) или же собирательный образ целого поколения, он один остается "закрытой персоной". По словам Б.М.Эйхенбаума, "вся история замысла и писания "Героя нашего времени" совершенно неизвестна: ни в письмах Лермонтова, ни в воспоминаниях о нем никаких сведений нет".

А вдруг ещё оставлена где-то возможность простого узнавания?

Несколько графических портретов, занесенных волей обстоятельств из Петербурга в провинциальный музей, представляют одного из светских знакомых Лермонтова Константина Федоровича Опочинина (1808-1848), и среди них акварель, датированная годом смерти изображенного. Знаменитый портретист В.И.Гау повторил здесь - видимо, по желанию вдовы - свою же работу, вошедшую в юбилейный альбом Конногвардейского полка, подготовленный к 1846 году.

Сам характер придворного заказа, казалось бы, предполагал тогда общий парадный тон офицерских портретов, но художник избегает типовой бравурности образов. Так и в облике полковника флигель-адъютанта Опочинина нет ничего нарочитого (в тоне гоголевского Черткова) - ни *"сильного энергического поворота"*, ни *"Марса в глазах"* - бледное лицо меланхолично, отмечено тенью ранней усталости... И тут возникает беспокойное чувство, как если, не задумываясь, здороваешься с кем-то и не можешь припомнить - почему.

Оказывается, об этом лице многое известно: черты его не просто знакомы, они были когда-то пристально рассмотрены, "прочитаны", движения их как бы наперед угаданы. В его улыбке непременно будет *"что-то детское"*, а *"следы морщин"* на *"бледном благородном лбу"* обозначатся *"гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства"*.

Словом, с этим лицом вполне соотносится описание Григория Александровича Печорина (повесть "Максим Максимыч", 1839 год). Лермонтов- «рассказчик» продолжает:

"У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать ещё несколько слов. Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся (...) Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском (...) То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его - непродолжительный, но пронизательный и тяжелый оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если бы не был столь равнодушно-спокоен".

Для случайного совпадения здесь совмещается слишком много точек. Правда, Опочинину уже тридцать семь, но, судя по изображению 1841 года (домашний рисунок его юной жены), он мало изменился. Вообще же, следуя сюжету, его портрет легко представить в руках рассказчика вместе с записками умершего героя.

Константин Федорович Опочинин - сын Ф.П.Опочинина и пятой дочери Кутузова Дарьи Михайловны (от неё он унаследовал карие "несмеющиеся" глаза: тяжелые веки с низкими наружными уголками придавали лицам сходное выражение - грустной рассеянности у матери, холодноватого отстранения у сына). Детские годы он провел с бабушкой, вдовой фельдмаршала, много путешествовавшей по Европе, юношей служил в Варшаве при великом князе Константине. Был свидетелем "польского мятежа". Ему была суждена блестящая карьера военного, успех в свете и недолгая жизнь (умер тридцати девяти лет во время эпидемии тифа).

В 1830-е годы Опочинин постоянно жил в Петербурге, часто бывал в знаменитом салоне своей тетки Елизаветы Михайловны Хитрово и у Карамзиных, где встречался с Пушкиным, а позднее и с Лермонтовым.

Это знакомство оставило, к несчастью, мало следов. Известно, что молодой поэт появился в обществе под покровительством Е.М.Хитрово в 1835 году (М.Б.Лобанов-Ростовский), тогда же, очевидно, познакомился с её племянником. Позднее "*Лермонтов охотно играл с Опочининым в шахматы*" (П.А.Висковатов). В собрании рукописей поэта в ГПБ хранится шутливая записка то ли 1840, то ли 1841 года:

" О, милый и любезный Опочинин!

И вчера вечером, когда я возвратился от Вас, мне сообщили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. И сейчас, в то время, когда Вы будете читать эту записку, меня не будет... (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. И вот (стиль библейский и простодушный) поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог Вас навестить.

И весь Ваш Лермонтов. "

Из этого краткого послания ясно, что автор и адресат довольно часто виделись, сам же тон, непринужденный и стилизованный под "роковую весть", свидетельствует о дружеском понимании между ними. Вот, собственно, и всё, дальше остается только гадать и, доверяясь портрету, выдавать желаемое за возможное.

Что общего между ними (при различии положения, опыта и возраста), имели ли здесь значение впечатления детства? Оба воспитаны бабушками, как раз в это время Опочинин писал о Е.И.Кутузовой:

"Я жил при ней, ею взлелеян, воспитан, сопутствовал ей во всех ея путешествиях с 1815 года, и потому, говоря о моей юности, буду говорить о ней, ибо она была альфа и омега моей жизни. "

Тогда по рекомендации мадам де Сталь Кутузова пригласила для внука "*ученого и добродетельного педагога господина Жандроса*", а десятью годами позже в доме Арсеньевой появился "*весьма рекомендованный*" пожилой господин Жандро, покоровший всю её московскую родню, здесь же он умер. Однофамильцы ли?

Бывая у Опочинина (в "кутузовском" доме на Французской набережной), Лермонтов мог видеть его записки, за шахматами касаться салонных новостей и светских отношений.

Две женщины, восхищавшие поэта, искренне симпатизировали Опочинину. В марте 1837 года после масленичных балов Софья Карамзина писала брату:

"Я имела удовольствие танцевать мазурку с молодым человеком, которого нахожу замечательно приятным и остроумным, с господином Опочининым, конногвардейцем. Я не знаю другого русского офицера (...), который бы соединял в себе столько природного ума с такой общей просвещенностью, такую начитанность с легкостью в разговоре и с полным безразличием ко всему окружающему, так что на балу он разговаривал словно в нашей маленькой гостиной, без той рассеянности и какой-то озабоченности, которые делают наших кавалеров такими несносными (...). Мы были увлечены потоком разговора..."

А.О.Смирнова-Россет вспоминала давние (весны 1832 года) балы в Аничковом дворце - в конце сезона, "*в старых платьях*":

"Я надевала пунцовое платье и белые цветы и то и дело, что танцевала с Опочининым (...) Он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: "Вы с Опочининым очень красивая пара"... "

Впрочем, их отношения, кажется, выходили из бальных рамок, Опочинин хранил портрет Смирновой, а летом 1838 года наблюдательная Софья Карамзина писала сестре из Царского Села:

"В четверг утром Константин Опочинин приехал к нам, обедал, вечером мы были у м-м Смирновой, которая продолжает ему весьма покровительствовать, они уже виделись на балу в Петергофе, где великая княгиня Мария и м-м Крюденер благодарили её за то, что она представила им такого прекрасного танцора, как Опочинин, добавив, что это было счастье, танцевать с ним; он немало этим польщен (...) Из признательности он с почтением смотрит на м-м Смирнову и говорит с ней, что меня бы очень забавляло, если бы он при этом часто не смеялся этим принужденным смехом, который я нахожу весьма прискорбным..."

Словом, Опочинин обладал качествами, которых так желал для себя молодой Лермонтов, все ещё' новый человек в столичном обществе (этот "*маленький Леонин, офицерик из армии, довольно бедный, никому не родня*", - В.Соллогуб, "Большой свет"). Военный опыт и успешная карьера, репутация "модного человека" и обаяние вместе с внутренней свободой и иронией (вплоть до "злословия") - все это в глазах Лермонтова могло сделать старшего друга образцом для подражания.

...Сходство Печорина с автором в романе "Княгиня Лиговская" (1836 год) несомненно, но по мере развития этого образа его контуры все больше не совпадают с автопортретом.

Его наружность, к несчастью вовсе не привлекательная...

На балах Печорин со своей невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому, что самолюбие его страдало.

Он был небольшого роста, широк в плечах, вообще несладен и казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению...Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности...

Глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности...

Он мог бы блистать и нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, и гру и заставляют забыть недостатки.

Он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Он был среднего роста; стройный тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся (...) положение всего его тела

выражало какую-то нервическую слабость.

Его кожа имела какую-то женскую нежность.

Бледный благородный лоб, на котором только по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин...

(о блеске глаз) То не было отражение жара душевного или играющего воображения.

Блеск ослепительный, но холодный.

(Отметим сразу еще одну метаморфозу - Печорин, "московский" в столице, на Кавказе оказывается каким-то явно "петербургским").

Первое описание почти буквально повторяет слова современников о внешности самого Лермонтова; *"небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом"* (П.Ф.Вистенгоф); *"приземистый, маленький ростом, с большой головой"* (М.Е.Меликов). Второй Печорин старше и холоднее, у него иное лицо и весь облик; демоническую мрачность сменила усталая ирония. К тому же он теперь не вне высшего света, не противопоставлен ему, а плоть от его плоти. Это не просто взросление персонажа (вслед за автором), на него будто падает тень другого человека.

Некоторые существенные черты биографии Опочинина совпадают с тем, что мы знаем о литературном герое. Условный год рождения Печорина - 1808 (Б.М.Эйхенбаум); в повести "Максим Максимыч" его возраст как будто двоятся (*"с первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать"*), и Печорин выглядит ровесником то Лермонтова, то Опочинина, причем в эти возрастные рамки вмещено все развитие образа. Наконец, служба в Конногвардейском полку: для Печорина это прошлое (после "Княгини Лиговской"), для Опочинина - настоящее, для Лермонтова - желаемое будущее. Печорин в отличие от Лермонтова "служил" в Польше, как и Опочинин.

Образ Печорина возник при появлении Лермонтова в свете и четыре года жил рядом с ним какой-то параллельной жизнью. Поэт активно творил себя-"петербургского": сознательно или невольно намечал ориентиры и примеривал к себе чужой опыт.

Что же, может, и правда когда-то, скажем, - за шахматами, связало двух людей загадочное со-прототипическое родство, по праву которого Константин Опочинин стал "вторым слагаемым" непонятной персоны - Печорина. Но в подтверждение - только "узнанное" лицо и этот почти карточный расклад вокруг старой акварели.

М.Ю. Лермонтов в сюртуке Тенгинского пехотного полка. Акварель А.К. Горбунова, 1841г.

К.Ф.Опочинин. Акварель В.И. Гау, 1848г. Угличский историко-художественный музей.

К биографии Дмитрия Черемисинова

Полякова О.Б. (Углич), сотрудник отдела хранения историко-художественного музея

В большом просторном зале картинной галереи, разместившейся в бывшем зимнем соборе Божоявления Господня в Угличском Кремле, среди семейных изображений местного купечества, есть несколько портретов дворян. Писанные, вероятно, доморощенными живописцами с оглядкой на парадные изображения столичного дворянства, эти портреты яркий образец семейной галереи, бывшей непременно атрибутом любого "дворянского гнезда". На протяжении нескольких поколений обитатели усадьбы берегли и дополняли ее собственными изображениями, портретами детей и близких родственников.

Портретная галерея семейства Черемисиновых дошла до нас в неполном виде. Вывезенная в 1919 году из родового имения Родичево, она представляла собой собрание портретов ХVIII-XIX вв., представителей нескольких поколений владельцев имения. Однако, пожар в картинном отделении Угличского Музея Древностей, куда попали портреты, не пощадил их, и лишь небольшая часть сохранилась в нынешнем собрании музея. Теперь в музее хранятся портрет Александра Матвеевича Черемисинова и его

супруги Екатерины Алексеевны (на реставрации), их детей Дмитрия и Сергея, близкого родственника Алексея Петровича Пятова и портрет Опочинина (из Родичева)(?).

Владельцы Родичева - личности яркие, неординарные представители и герои своего времени. История Родичева уходит в глубину XVI века. Его владельцы- дворяне Пятовы (или Пятые), затем Черемисиновы, Калачевы, Черкасовы - имели земли в Кашинском, Угличском, Мценском, Белевском уездах, а впоследствии брачные союзы приносили в этот список свои дополнения. Представители древних фамилий, ведущие свою родословную от именитых бояр и дворян, они гордились родством с историческими личностями: выдающимися церковными, политическими деятелями, известными учеными. Так, владельцы Родичева в разное время породнились с премьер-министром И.Л. Горемыкиным, последними грузинскими царями, хранили легендарные предания о родстве с Бироном. Подобное «сплетение судеб» дает нам право говорить о владельцах имени Родичево - как об участниках и творцах истории. Немаловажным являлось для них сохранение исторической памяти. Как подтверждение древности рода в имении сохранялись рукописные свитки, родословия, межевые и земельные документы, переписка. Семейная портретная галерея отражала лица далеких и близких предков - служила в назидание и воспитание потомков.

Карьера нескольких поколений семейства Черемисиновых была связана с военной службой. Матвей Черемисин - екатерининский морской офицер, кавалер, большой оригинал и чудаков, нарушитель спокойствия соседей. Его военная служба началась в четырнадцать лет: с капрала фурыеров он «... по усердной его к службе ревности...» дослужился до полковника. Он участвовал в морских экспедициях во время Прусской и Русско-Турецкой войн, где снискал славу неустранимого и храброго офицера. «По именному указу на кораблях в эскадре адмирала Григория Спиридова» потерпел неудачу в Морейской экспедиции, а затем «под командою генерал-майора князя Долгорукова» осаждал город Мадон и, наконец, разделил с Российским флотом победу на Дарданеллах. Боевой офицер, за безукоризненную службу награжденный военным орденом Георгия 4 класса, он продолжал службу «на пользу отечества» в должности коменданта города Твери в 1776 и 1780 гг.

Выйдя в отставку и поселившись в Родичеве, которое, очевидно, было в качестве приданого отдано за его женой Александрой Михайловной Пятовой, он, говоря словами Андрея Болотова «обостроживался в ...своем домишке, привыкал к сельской экономии, поправлял и приводил в лучшее состояние свое домоводство...». Матвей Черемисин, проведший большую часть жизни на военной службе и в столице, получив возможность переселиться в свое поместье, стремился окружить себя достижениями столичной жизни. Коренным образом меняется сам облик усадьбы. Хозяин Родичева, «в отличии от своего ближайшего предка», уже не желает довольствоваться почти крестьянским культурно-бытовым укладом. Учитывая избранное предками удобное местоположение, на высоком холме, сбегаящем круто к речке Вороновке, среди живописных окрестностей, Матвей Черемисин строит дом в духе классицизма, развивает регулярный парк в глубине которого скрывается пруд с прохладной водой. Матвей Логинович Черемисин яркий представитель эпохи расцвета усадебной культуры. Он был первым заказчиком собственных парадных портретов, положивших начало портретной галерее в Родичевском имении. Несохранившийся портрет, на котором Матвей Черемисин был изображен во всем блеске своего величия, известен нам лишь по описанию хранителя Угличского музея Гусева-Муравьевского: мундир украшен георгиевским крестом- знаком военной доблести (который, кстати, никогда нельзя было снимать), рука на эфесе шпаги, трость и треуголка, пудренный парик- по моде того времени. Портрет писался, очевидно, провинциальным живописцем с оглядкой на парадные изображения именитого столичного дворянства.

Матвей Черемисин отличался крутым нравом и слыл натурой необузданной. Слишком часто в земский суд обращались соседи с жалобами на обиды, чинимые «господином и кавалером» Черемисиновым: то поправки посевов, то захват чужих земель. Памятуя о своем военном прошлом и ради забавы, Матвей Логинович завел в Родичеве пушки на лафетах, и, при случае, палил из них, чем приводил в немалый ужас соседей. Хозяин Родичева со своими забавами и чудачествами вполне укладывался в рамки образа дворянина XVIII века. На самом стиле усадебной жизни этого периода не могло не сказаться то, что дворянин любил независимость и свободу. Это «наслаждение драгоценнейшей свободой» позволяло настоящему барину Матвею Черемисину «делать что угодно, не имея нужды ни раболепствовать, ни лукавить...» Да и кто мог ограничить, запретить ему в своем имении препровождать праздное свое время с приятствием, «предпринимать для сделания себе уединенной сельской жизни приятною и веселою...». Традиционно в имении была заведена охота, принадлежавшая к числу излюбленных усадебных развлечений. Эти места всегда были богаты всяким зверьем. Матвей Черемисин превратил Родичево в маленький «двор», где были придворные крепостные певцы, музыканты и, возможно, художники.

Особо необходимо отметить прогрессивный взгляд Матвея Черемисина на воспитание и образование своего единственного сына. После смерти супруги, малолетний Александр остался на попечение отца. Для обучения мальчика в Родичево был выпущен учитель-француз. В имение были свезены сверстники Александра - родственники из ближних и дальних имений. Учитель -иностранец, не только занимался преподаванием наук детям, но и по прихоти барина, принимал участие во всех его забавах и чудачествах.

Наследовавший Родичево сын Александр открыл новую страницу в истории имения. Он заслужил почет и уважение собственной безупречной службой. В 1806г. он вступил в ополчение Тверского земского войска пятисотенным «...и продолжал служение до самого упразднения подвижной милиции...», в 1816г. был

награжден бронзовой медалью в память войны 1812г. С 1822 по 1824 г. Александр Черемисинов избран Тверским губернским предводителем дворянства, а в 1836 г. уже надворный советник, он получает знак отличия на Владимирской ленте за пятнадцатилетнюю службу. Любимая жена Екатерина Алексеевна родила Александру Матвеевичу одиннадцать детей.

Портретная галерея в Родичеве в эти годы пополняется портретами самого владельца усадьбы, его супруги, детей. Судя по описаниям несохранившихся портретов в учетной документации Угличского музея - это были парадные изображения, написанные, очевидно, по поводу каких-либо значительных событий. Портреты детей Дмитрия и Сергея в мундирах гвардейских артиллеристов, были заказаны по окончании обучения в артиллерийском училище. Причем существование двух одинаковых с небольшими отличиями портретов младшего сына Сергея, очевидно, свидетельствует особо нежных чувств к нему со стороны родителей. Сергей по окончании наук увольняется со службы «с билетом» из - за слабости здоровья. Он прибывает в Родичево и вскоре в 1845 г. умирает от чахотки.

На стенах родичевского дома появляются копии с работ западноевропейских художников. Одно из таких полотен поступило в музей после социализации имения. Копия с портрета Ван Дейка, изображающая Яна Воувера - голландского ученого и законодателя - свидетельство прогрессивных взглядов и европейской образованности Александра Черемисинова.

Глава большого семейства, библиофил и англоман, приверженец новейших научных методов в сельском хозяйстве, Александр Матвеевич Черемисинов обустроивает Родичево, умело ведет хозяйство, приобретает новые земли. Так на землях в урочище речки Фуртовки Мышкинского уезда частью приобретенных, частью промененных, впоследствии будет выстроен кирпичный завод, который функционировал в период после социализации имения. Продукты своих сельскохозяйственных достижений Александр Черемисинов направляет на выставки в Москву, поскольку сам является членом Императорского Московского общества сельского хозяйства. Библиотека родичевского дома заполняется книгами и журналами по сельскому хозяйству, агрономии, огородничеству.

В период с начала XIX в. и до середины XIX в., когда Родичевым владеет Александр Матвеевич Черемисинов, в имении закладывается основа профессионального, прогрессивного ведения хозяйства, управления земельной собственностью. Не случайно благодаря умелому ведению дел Александр оставил наследникам большие земельные владения и значительный капитал. Об этом можно судить хотя бы по денежному эквиваленту приданого, отданного за дочерью Лидией. «При выходе сей последней в замужество за надворного советника Калачева...» (Николай Васильевич Калачев известный ученый, археограф, основатель Археологического института в С.-Петербурге, создатель ученых архивных комиссий), Александр Черемисинов определил цену отделяемому имению: «движимому во обще с капиталом 6 тысяч 260 рублей серебром, недвижимому 8 тысяч 640 рублей, а всему вообще 14 тысяч 900 рублей серебром».

Сыновья Александр Матвеевича - Дмитрий и Сергей, памятуя о военных заслугах деда и отца, об иной карьере и не помышляют. Один за другим они заканчивают артиллерийское училище. Только Сергей из - за слабого здоровья вынужден был оставить службу. Дмитрий был первенцем в семье Александра Матвеевича и Екатерины Алексеевны Черемисиновых. Он родился в 1811 году. Вслед за ним в семье родились еще десять сестер и братьев. Но дети, как это часто бывало в то время, умирали в младенчестве. На парных семейных портретах Черемисиновых, написанных в середине 20-х годов, изображены пять детей: Александр Матвеевич с двумя сыновьями, а Екатерина Алексеевна с тремя девочками. Эти портреты погибли во время пожара в картинном отделении Угличского Музея.

Военная служба Дмитрия складывалась блестяще. Обучение в артиллерийском училище и затем успешно с золотым академическим знаком законченный курс в Артиллерийской академии открывали ему широкие возможности карьеры. В 1829 г. Дмитрий был переведен Лейб-Гвардии во 2-ю артиллерийскую бригаду Прапорщиком со старшинством. Гвардейские полки считались привилегированными и приближенными к трону. Служба в гвардии связана была с пребыванием в столице и выгодно отличалась от армейской. Смотры, маневры и учения гвардейцев проходили в присутствии Государя Императора, что давало возможность отличиться в присутствии царствующих особ. Дмитрий в числе прочих не раз удостоился получить Высочайшее благоволение во время подобных смотров. Гвардейские полки стояли обычно в пригородах С.Петербурга, поэтому молодые гвардейцы были завсегда гостями светских салонов, дамских гостиных и балов. Дмитрий Черемисинов, очевидно, не был исключением. Он вращается в кругах петербургской молодежи, и, возможно, здесь знакомится близко с Николаем Соломоновичем Мартыновым и, вероятно, Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Дмитрий Александрович Черемисинов

Как многие молодые люди 30-х гг. XIX века Дмитрий отправляется на Кавказ. И приказом по Гвардейской Артиллерии 16 марта 1836 г. он командирован в отдельный Кавказский корпус. Участвует в военных действиях против горцев за Кубанью под начальством Генерал-Лейтенанта Вельяминова, сопровождает транспорты к Абинскому, Николаевскому, Ольгинскому укреплениям. За отличия в сражениях против горцев был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом, бронзовой медалью в память войны 1853-56 гг., крестом с мечами за окончание военных действий на Кавказе.

В 1838 году Дмитрий Александрович «по Высочайшему Его Императорского Величества приказу...» увольняется по домашним обстоятельствам от службы в чине штабс-капитана с мундиром. Для нас пока остается загадкой причина оставления Дмитрием военной службы. Тем более, что у него была перспектива сделать блестящую карьеру на военном поприще.

После смерти отца Александра Матвеевича в 1852 г. Дмитрий наследует Родичево. Он, как заведено было ранее отцом, занимается хозяйством, собирает с крестьян оброки и недоимки. В 1869 г. избирается почетным мировым судьей Мышкинского уезда.

В Каменке, где испокон крестили детей, венчались и хоронили своих родных семейства Опочининых, Пятовых, Черемисиновых, Дмитрий Александрович на собственные средства украсил церковь, за что получил благодарность от Св. Правительствующего Всероссийского Синода за подписью Митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора. Здесь у церкви в 1873 году и похоронили шестидесятилетнего штаб-капитана Дмитрия Александровича Черемисинова.

Дмитрий Александрович не был женат, и Родичево после его смерти перешло во владение сестры Лидии Александровны Калачевой. В январе 1851 года в церкви села Каменка был освящен брак 22-летней Лидии Черемисиновой и 30-летнего Николая Васильевича Калачева тогда еще экстраординарного профессора Императорского Московского Университета. Молодые люди, очевидно, уехали в Москву, а затем перебрались в С.-Петербург, где в основном проходила научная деятельность Калачева. Всю свою жизнь он посвятил служению науке: истории права и архивному делу. В 1877 году им был устроен Археологический институт в С.-Петербурге, он много ездил по провинции с целью создания ученых архивных комиссий. В имении жены Родичеве Николай Васильевич, видимо, бывал наездами: слишком хлопотной была его научная работа, отнимавшая много сил и времени. Лидия Александровна занималась воспитанием дочери.

В 1878 году Калачевы выдают замуж за Павла Гавриловича Черкасова свою единственную дочь Лидию. У Павла и Лидии родились четверо детей. Владимир выбрал карьеру военного и жил в С.-Петербурге с женой княжной Шаховской. Там же жили две дочери. Наталья Черкасова была замужем за премьер-министром Иваном Логиничем Горемыкиным. В Родичеве постоянно живут Лидия Александровна Калачева, Павел Гаврилович и Лидия Николаевна Черкасовы и сын Борис.

Начало XX века запомнилось Родичеву небывалым хозяйственным расцветом. Полеводство ведется по всем правилам передовой агротехники, в имении заведено дойное стадо и маслобойка, большое свиноводческое хозяйство. Латыш-садовник Юлий Мартынович Вяет, проживающий здесь же в Родичеве, ухаживает за большим фруктовым садом и огородом. В урочище Фуртово, на землях приобретенных еще в начале XIX столетия Александром Черемисиновым, работает кирпичный завод. Из бетонных блоков, произведенных на собственном заводе в начале века строится большой двухэтажный дом в имении, там же производилась и кровельная черепица. Бетонный дом, долженствующий служить конторой, так и остался к 1917 году недостроенным.

*Дом в усадьбе РОДИЧЕВО
Начало XX века*

В начале XX века по какой-то иронии судьбы в далекой от столиц местности, затерянной среди лесов глухой среднерусской полосы в Родичеве появляется весьма необычный дом, сродни горным Альпийским дачам-«шалле». Друг семьи - актриса, долгое время жившая в окрестностях Люцерна в Швейцарии, прислала план и описание будущего дома и его обстановки, спроектированного инженером-швейцарцем. Дом был большой деревянный, темно-коричневого тона мореного дуба с высоким деревянным шпилем на крыше. Над полноценным первым этажом нависали выступающими резные балконы и полубалконы второго этажа, который казался скорее полуэтажом из-за маленького размера окон. Дом, выстроенный по образцу альпийских дач, был рассчитан на то, чтобы в нем всегда было много воздуха и света. Очевидно, для этого стена первого этажа, ориентированная на большой парк, была полностью сделана из толстого стекла, за счет чего зрительно расширялось внутреннее пространство помещений. Массивные резные дубовые двери открывали вход в столовую и гостиную, против входных дверей располагался камин, облицованный деревянными дубовыми панелями. Все интерьеры, выдержанные в коричневых тонах, были украшены резным темным дубом.

Кроме образцового ведения хозяйства Черкасовы содержат построенную на собственные средства богадельню, располагающуюся на окраине имения, на границе с Кашинским уездом. Большое место в Родичеве уделялось увлечениям хозяев. Здесь имелась обширная библиотека, фотографическая комната с оборудованием фирмы «Кодак». Многочисленные удочки, охотничьи принадлежности хранились в домах и подсобных помещениях.

В декабре 1917 г. имение Родичево со всей землей, живым и мертвым инвентарем, наличным и посеянным хлебом, жилыми и холостыми постройками перешло в управление Мышкинского земельного отдела, который поручил управлять и распоряжаться Плосковскому зем. Отделу как имением, так и находящимся при нем кирпичным заводом. Его хозяйничание привело в жалкое состояние скотные дворы и постройки, скот поккалчили и заморили голодом, свиней зарезали, из-за отсутствия топлива погибли оранжерейные растения, кирпичный завод требовал срочного ремонта. Из опечатанных домов, несмотря на запреты, растаскивали вещи и мебель, в Угличский отдел народного образования вывезли библиотеку, архив и часть портретов попали в Угличский музей. В 1921 г. большой родичевский дом решено было переоборудовать в дом отдыха для трудящихся, но вскоре, случайно или по чьей-то злой воле он сгорел. А потом, еще одна гримаса времени, в бывших барских постройках разместили психоневрологический диспансер.

Покинув, с приходом новой власти, любимое Родичево, Черкасовы перебрались в Углич и обосновались в доме Улисовых на Ярославской улице. Дальнейшая их судьба смутно просматривается сквозь дымку тревожного времени. По некоторым сведениям, барон Павел Гаврилович Черкасов был арестован и покончил жизнь самоубийством в заключении в Петрограде, в Угличе скончалась Лидия Александровна Калачева, на теплоходе, увозящем в числе прочих Ф.И.Шаляпина, покинули Россию Лидия Черкасова с маленьким внуком Владимиром. Судьба Черкасовых в эмиграции сложилась по-разному. Однако, оставив Россию, родовые поместья в Троицком под Москвой и Родичево под Угличем, они «не проклинали изгнание», а хранили память о предках, передавали семейные предания и легенды наследникам старинного дворянского рода.

В 28 километрах от Углича по Кашинской дороге, чуть в стороне за молодой рощей, путнику открывается неожиданный вид. На возвышенности среди окрестных полей и лесов стоит дом: двухэтажный, с большими окнами, ассиметричными эркерами с зубчатыми завершениями, оштукатуренный и покрашенный желтой краской, - странная постройка среди пустынной местности. Одинокий и из-за желтого цвета стен какой-то потерянный, непонятно как очутившийся здесь в глуши. Рядом другой дом-полуразрушенный с обвалившейся крышей, зияющими провалами окон, совсем накренившийся и уже не жилец, он более гармонирует с окружающим запустением. Невдалеке заросшие и едва читаемые фундаменты когда-то большого дома и хозяйственных построек. Старый парк, теперь заросший, где еще не вырубали несколько вековых дубов, скрывает в своей чаще большой пруд с темной водой.

Теперь уже трудно вообразить, каким было когда-то ухоженное домовитыми хозяевами имение Родичево. Оброненное временем где-то на полпути между двумя старыми городами Угличем и Кашином, разоренное, с остатками жизни прежних владельцев и странным потерянным желтым домом, оно замерло в каком-то полусне. Здесь всегда тихо, и даже в ясные дни на всем бывшем барском имении лежит печать грусти. И лишь красивые породистые лошади, пугливые от нечастого посещения этих мест людьми и удивительно благородные, чувствуют себя здесь привольно и по-хозяйски ощипывают мягкими губами траву, выросшую на еле заметных фундаментах барских построек бывшего имения с таким ласкающим слух «именем» Родичево.

Лермонтов и Черемисинов на Кавказе

Третьякова Т.А. историк-архивист, ведущий методист
Угличского филиала Государственного архива Ярославской области

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть :
На свете мало, говорят,
Мне остается жить !
.....А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали...*

Так, в конце 1840-года, писал Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, прикомандированный к Кавалерии отряда генерал-лейтенанта А.В. Галафеева, задействованного в военных операциях на Кавказской линии. В осеннем походе в Большую и Малую Чечню, при сражении у р. Валерик опальный Лермонтов отличился геройством и бесстрашием, умением вести бой, не раз исключая этим экстремальность ситуации. При экспедиции через Ханкальское ущелье к р. Аргун, когда по ранению из строя выбыл юнкер Руфин Дорохов, командовавший "летучей сотнею казаков"- охранниками (охотниками), выбранными из всей кавалерии, поручик Лермонтов принял Дороховских казаков под свое начальство и вместе с ними отличился при переправе через Аргун. Боевые командиры оценили его заслуги. Генерал-лейтенант А.В. Галафеев на имя высочайшего начальства подал рапорт с просьбой о переводе М.Ю. Лермонтова в Гвардию в чине поручика «с отданием старшинства». Командовавший кавалерией левого фланга Кавказской линии полковник князь В.С.Голицын, также, подал рапорт командующему всеми войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Граббе с представлением к награждению поручика Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». За операцию на р. Валерик поручику Лермонтову полагался и орден Св.Станислава 3-й степени. Монаршим соизволением в наградах было отказано (награждался лишь штабс-офицерский состав), разрешался лишь отпуск на два месяца в Санкт-Петербург с возвращением на прежнее место службы.

М.Ю. Лермонтов ещё раньше решил выйти в отставку, но и это не свершилось, ибо судьба его была predetermined. Близилось роковое число -15 июля 1841 года, когда грозовой вихрь унесет последний вздох поэта к вершине Машука. Французский выстрел Мартынова чуть отклоненным в сторону пистолетом был в реальности, но ошибочен во времени. Времени-вечности. За десять лет до этого рокового выстрела юный Лермонтов написал:

*Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет: чуждые края
Ей удивятся...*

Действительно. С первых минут гибель Лермонтова вызвала противоречивые чувства, как и его личность в целом: если священник Эрастов отказал в погребении тела, то офицерская молодежь рыдала.

Пятигорская трагедия затем долгие годы и десятилетия осмысливалась не только в литературе и печати, её отголоски нередко возникали в житейском кругу среди частных бесед и частной переписки, где объективность оценки бывала более реалистичной и непосредственной, характеризуя случившееся как обыденность офицерских отношений по негласному кодексу чести.

Подобное письмо в июле 1851 года на имя Дмитрия Александровича Черемисинова было получено в сельце Родичеве Мышкинского уезда Ярославской губернии. Близкий родственник адресата из дальних имений, сообщая о семейных делах, заботах и проблемах, между прочим упоминал:

"Душа-брат, Димитрий ! Давно я к тебе не писал - это знаю. Но одного прошу, не ругайся, а паче не опостыль ко мне сердцем... .16 мая я встретился, т.е. ехал вместе в одном тарантасе с твоим, по Кавказу знакомым, а моим соседом, который ухайдакал Лермонтова, Мартыновым: вспомнили о тебе..."

Дмитрий Александрович Черемисин - участник военных действий на Кавказе 1836-38 гг. в составе отдельного Кавказского корпуса при отряде генерал-лейтенанта Вельяминова. За Кавказскую кампанию Черемисин имел орден Св. Анны 3-й степени с бантом и крест с мечами.

Период 1836-38.гг. - это время активных боевых действий на Кавказе и в Черномории одновременно со строительством новых фортификационных укреплений и устройством транспортных

путей. Одним из опорных пунктов Кавказской линии, позволявшим подобные действия было Ольгинское укрепление, являвшееся важным звеном в цепи оборонительных сооружений русской армии. И не только, ибо оно стало, соединительно-перекрестным звеном в судьбах трех офицеров - Д.А. Черемисинова, Н. С. Мартынова и М.Ю. Лермонтова в период его первой ссылки на Кавказ в 1837 году.

Черемисинов и Мартынов находились при гарнизоне Ольгинского укрепления, Лермонтов в сентябре-октябре 1837 года, следуя к месту службы сначала в отряд генерал-лейтенанта Вельяминова, а затем в Тифлис, останавливался в Ольгинском. Здесь он должен был передать Н. С. Мартынову письма и деньги от родных его из Пятигорска, где Михаил Юрьевич в течение нескольких месяцев минеральными водами лечил простуду, полученную в дороге при следовании из Петербурга на Кавказ. 5 октября 1837 года, будучи уже, по службе, в Екатеринодаре, Н.С. Мартынов писал отцу: "Триста рублей, которые, вы мне послали через Лермонтова, получил: но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письма, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои."

Чуть позже Мишель Лермонтов отдал этому человеку и свою жизнь, о чем многие годы спустя эхом отзвучат строки частного письма: "... который ухайдакал Лермонтова...". Кстати, строки родичевского письма позволяют предположить факт знакомства Д.А. Черемисинова и М.Ю. Лермонтова, вероятно, не близкого, но имевшего место, ибо непринужденность тона послания косвенно подразумевает знакомство упомянутых лиц именно как людей одного круга общения. Но каждому из них была уготована своя судьба: одному - ранняя смерть и бессмертие, другому - ранняя отставка (22 марта 1838 года) и одинокая жизнь в дальнем родовом поместье среди любимых книг, мечтаний и увлечений, одно из которых - цветы.

В середине XIX века имение Родичево дворян Черемисиновых зналось в Мышкинской округе необычным хобби владельца, которое у соседних помещиков нередко вызывало недоумение и непонимание, ибо в кругу их интересов среди веселых пирушек, лошадей, охоты не было места сентиментальности подобного занятия.

Холостой штабс-капитан в отставке Дмитрий Александрович Черемисинов увлекался садово-парковым хозяйством и, особенно, цветоводством. В теплицах и оранжереях Родичева благоухала, зеленела масса редкостных цветов и экзотических растений: кактусы, разных видов фикусы - широколистные и мелколистные, древовидные, низкорослые и высокорослые, вечнозеленые субтропические и тропические кустарники, плодовые деревья и деревца, огромное число бегоний - разных сортов и видов со всевозможной окраской и многое-многое другое. Саженцы и посадочный материал Дмитрий Александрович выписывал из питомников Москвы и Риги, особенно часто из рижского питомника Карла Вагнера. Между ним и Черемисиновым велась не один год переписка о доставке саженцев, их адаптации, выживаемости и вегетационном развитии, затрагивались вопросы селекции и новых сортов, о которых он сообщал в Родичево, высылая каталоги растений: Вагнер часто обращался к владельцу Родичева с самоличным посланием:

«Милостивейший государь, Дмитрий Александрович !

Почтейнейшее письмо Ваше я имел честь получить , и не премину переслать желаемых Вами растений, как скоро наступит удобное время.

Что касается до пропавших прошлого года кустов, то я в этом совершенно не виноват, и не понимаю, от чего они могли пропасть, потому что были отправлены хорошего качества. Не удобно ли Вам получить в Твери, по средством транспортной конторы "Надежды". Она отправляет на пароходе в С.Петербург, и по железной дороге в Тверь, где прибывают посылки в шесть дней. А из Твери, Вам вероятно легко заставить взять посылку. Этим способом я в состоянии прислать Вам большие кустарники, а не так малые, как следует выбрать для пересылки по почте...»

«Милостивый государь, Дмитрий Александрович !

Почтейнейшее письмо Ваше я имел честь получить, со вложением 17 рублей, за которые прошу принять искреннюю мою благодарность. Новый каталог я ещё не прислал Вам, потому что он поступает в силу только от 1-го августа, по той причине, что многие новые растения до тех пор не будут довольно крепки для пересылок...»

На приобретение растений средств не жалелось, счета от поставщиков оплачивались добросовестно и вовремя. К примеру, указанная сумма в 17 рублей серебром - это стоимость 1/5 части деревянного дома с землей в уездном городе или серебряных карманных часов с цепочкой или небольшого золотого перстенька с бриллиантом и бирюзой и так далее. Сравнить есть с чем. А подобная сумма была не единична.

Ветер времени развеял аромат черемисиновских цветников, но СКВОЗЬ десятки лет строками частной переписки высветивается лирический образ уездного барина, бывшего военного, некогда знавшего великого русского поэта Лермонтова.

Портрет Э. К. МУСИНОЙ – ПУШКИНОЙ

Неизвестный художник XIX век

Графиня Эмилия –
Белее, чем лилия,
Стройней её талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах её светится...

М. Ю. Лермонтов

У ног красавицы.

Михаил Лермонтов и Эмилия Мусина-Пушкина

Ермолин Е.А., профессор ЯГПУ им.К.Д.Ушинского,
доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения

Лермонтов знаменит своею влюбчивостью. По свидетельству графа Владимира Соллогуба, известного литератора, поэт «страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду как тень». Иван Тургенев, описывая встречу с поэтом на маскараде, вспоминал, как Лермонтов «поместился на низком табурете перед диваном, на котором, одетая в черное платье, сидела одна из тогдашних столичных красавиц, белокурая графиня Мусина-Пушкина – (...) действительно прелестное создание».

Графиня Эмилия Карловна Мусина-Пушкина - в девичестве баронесса Шернваль фон Валлен - родилась 29 января 1810 года. Она имела двух сестер, Аврору и Алину, и брата Эмилия. Всем было дано хорошее образование отцом, сенатором Карлом Иоганном Эмилием Шернвалем, он был одно время губернатором в Выборге.

В ранней молодости случай свел Эмилию с графом Владимиром Мусиным-Пушкиным, сыном богатейшего ярославского помещика. Владимир Алексеевич был старше Эмилии на двенадцать лет. Учился в иезуитском колледже в Петербурге, в монашеской строгости. В 1816 году он - офицер гвардии. Владимир также был чрезвычайно хорош собой, а еще добр и мягок, отчего снискал симпатии всех, с кем сталкивала его жизнь. Это человек простой и милый, любитель приятельских компаний, пирушек, вина, табака, карточной игры и - запойного чтения. Владимир уже тогда освободил своих крестьян из крепостного рабства.

Все изменил 1825 год. Владимир принял участие в заговоре декабристов - и после провала мятежа был сослан в Финляндию, в армию, в маленькую военную крепость, - под крепкий полицейский надзор. За ним следят, на него доносят. Потянулся за ним шлейф избранничества: государственный преступник - таким его видели в провинциальном обществе Гельсингфорса. Печать несчастья и страдания лежала на прекрасном челе - а тогдашние романтические девушки умели это ценить.

Мать Владимира, узнав о намерении сына просить руки Эмилии, была поражена и уязвлена. Она рассчитывала на гораздо лучшую партию. По ее просьбе Владимира перевели в захолустье, подальше от предмета воздыханий. Его дружно отговаривают от брака родственники и свойственники, даже генерал-губернатор Закревский, обещающий ссыльному льготы.

Но любовь только крепнет в разлуке. Год длится борьба. Владимир совсем впал в тоску - и, наконец, тяжело заболел. Тогда только его мать смирилась с неизбежностью. Бракосочетание состоялось 4 мая 1828 года. Узнав невестку, старая графиня полюбила ее. Первые счастливые годы брака протекли в Финляндии, а в конце 1831 года Владимир был уволен со службы, ссылка кончилась. Однако полное прощение ему дано не было; с него взяли два обязательства: жить в Москве и не выезжать за границу.

Московское житье-бытье было веселое. Супруги нередко бывали в знаменитом салоне своей блистательной родственницы, сочинительницы Зинаиды Волконской на Тверской, где ныне Елисейевский гастроном. В июне 1831 года у них родился сын Алексей, год спустя - сын Владимир, названные в честь деда и отца. Жили в Москве не безвыездно. Бывали в ярославских усадьбах, чтобы насладиться прелестями сельской жизни, выезжали в Санкт-Петербург, в свет. Жизнь Владимира и Эмилии складывалась счастливо. В свете их любили. «Милая из милых», по слову Василия Жуковского, Эмилия блистала на балах, чаруя всех красотой. Фурор произвели ее белокурые волосы, синие глаза и черные брови. В Петербурге

фрейлиной двора была сестра Эмилии Аврора, блиставшая красотой и имевшая немало поклонников. Обе сестры были в числе первых красавиц северной столицы. Современники величали их «финляндскими звездами». В свете сестры соперничали с Натальей Николаевной Пушкиной - три звезды первой величины.

Невольно возникало желание сравнивать сестер, определяя, кто из них более достоин поклонения. А. Смирнова-Россет, бывшая в те годы также фрейлиной двора, писала позднее: "Я тогда только что вышла замуж и очень веселилась (...) мы переехали на дачу на каменном острове (...) К нам часто ездил секретарь прусского посольства граф Гаген (...) Геккерен также часто ездил. Рядом с ними жила графиня Пушкина-Урусова (речь идет о Марии Александровне Урусовой, которая была замужем за Иваном Мусиным-Пушкиным, братом мужа Эмилии - авт.) и давала вечера; муж ее был обжора, и давал обеды. Тут явилась в свет Аврора в полном блеске красоты (...) Сестра ее Emilie была хороша и еще милее Авроры. Она вышла замуж за графа Владимира Пушкина; она была очень умна и непритворно добра, как Аврора; в Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, ее синие глаза и черные брови..." По поводу негласного соперничества сестер Шернваль в свете Соллогуб писал: «Трудно было решить, кому из обеих сестер следовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть может, еще обаятельнее своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнее и строже». Что касается супруга, Владимира, то у него есть одно признание: Аврора - прекраснее, Эмилия же - живей и интересней... В характере Эмилии угадывается что-то от другой провинциалки в Петербурге - Татьяны Лариной, от душевных качеств «тургеневских девушек».

В столице встречались молодые супруги с Пушкиным, с его друзьями. Они естественно вошли в круг культурной элиты, еще не вполне отделившейся тогда от круга элиты светской. Был в нем и поэт Петр Вяземский. Тот, о ком Пушкин написал однажды: «Судьба свои дары явить желала в нем, В счастливом баловне соединив ошибкой Богатство, знатный род с возвышенным умом И простодушие с язвительной улыбкой». С ним Эмилия оказалась связана особыми узами дружбы.

Московский почт-директор А.Булгаков писал 28 декабря 1832 года своему брату К. Булгакову: «Ну, брат, что за красавица Пушкина, жена Володина! Я не люблю белокурых, но вчера на нее залюбовался; к тому же одета она была прекрасно, с голубыми перьями на голове, а этот цвет идет к ней очень. Скажи Вяземскому, что она решительно лучше сестры своей». Два года спустя он так же восторженно расхваливал Эмилию своей дочери Ольге: «Какая мягкость, какой ум, какая приветливость!» «Скажи Вяземскому»... Возникает вопрос: а почему, собственно, именно Вяземскому нужно было передать, что Эмилия лучше Авроры? Здесь таится завязь еще одного сюжета, связанного с Эмилией. В конце 1836 года Эмилия в Петербурге. 27 ноября друг Вяземского Александр Тургенев записывает: «Вчера пил чай с графиней Эмилией Пушкиной. Прелестна во всем! (...) Сегодня дают оперу Глинки». И вот день спустя тот же Вяземский делился своими впечатлениями: «Вчера было открытие Большого театра и оперы Глинки (...) либретто довольно холодно и бледно, следовательно, музыканту было труднее вышивать по этой канве узоры. Зато Эмилия Пушкина удивительно хороша, и Тургенев вышивает по ней разные сентиментальные узоры нежно-пронзительными взорами своими».

Пожалуй, дело не только в том, что Тургенев «вышивает узоры». В другом деле. Эмилия затмила собой и Глинку. Вяземский не на шутку влюблен. Остролов, парадоксалист и скептик, «поэт мысли» неожиданно открывает в себе запасы чувства. Ему 44 года, и этот кабинетный человек все глубже погружается в сердечные переживания.

Сильным потрясением в жизни Мусиных-Пушкиных стали события конца 1835 года. Владимир был отчаянный игрок. Не однажды он проигрывал гигантские суммы. В расчет шли доходы с имения Борисоглеб, продавался лес, помогали родственники... И вот мы читаем в письме А.Тургеневу Вяземского от 29 декабря: «Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался». Речь здесь идет о знаменитом, небывалом проигрыше Владимира. Он проиграл в карты огромные суммы, оказался на грани разорения. Тогда и распространился слух, что семейство удаляется на несколько лет в деревню, чтобы поправить дела. Шли неслучайные толки и о нечистой игре, об участии шулеров. Московский полицмейстер назначал специальное расследование. Можно догадываться, что значило это «на несколько лет» для влюбленного Вяземского. Но отъезд в деревню, очевидно, не принял фатального характера. Во всяком случае уже зимой 1836-1837 годов Мусины-Пушкины - снова в Петербурге; снова в свете. В 1838 году прославленный Карл Брюллов пишет портрет Владимира Алексеевича. Согласно легенде, художник назвал Мусина-Пушкина «семиотным» - гармоничным, как гамма...

Сохранились письма Вяземского, адресованные графине Эмили. (Письма, кстати, на французском; русским языком Эмилия не владела.) 12 января 1837 года Эмилия с пятилетним сыном Владимиром выехала из столицы в Москву, а оттуда в мологскую усадьбу Борисоглеб. Путешествие это даже по тем временам не слишком рискованное. Но три дня спустя Вяземский пишет Эмили так: «...после грусти, которую нам навевал Ваш отъезд, самым пылким и неизменным моим занятием стало, конечно, же, беспокойство и нетерпение поскорее узнать об исходе Вашего путешествия. Я страдал за Вас, вместе с Вами и мерз и испытывал голод. По ускоренному и прерывистому биению моего сердца я отсчитывал все толчки и ухабы...» И так далее, и так далее, о тревогах сердца, о смуте и тоске, о том, что светские радости ему больше не милы... А уже на завтра - новое предложение - быть универсальным посредником,

«комиссионером», для Эмилии, «идет ли речь об отправке колбас, килек, туалетных принадлежностей или книг» - «обо всем, что способно угодить Вашему вкусу, уму или сердцу». 18 января Вяземский тклет образ Эмилии в своем воображении, и видится она ему «бледной и безмолвной, похожей на охапку лилий или на поток лунного света, отразившийся в зеркале прозрачной волной». В конце января он пишет из Петербурга Булгакову: «А все жаль бедной Финской царицы. Что она так долго ехала? Выехала двенадцатого вечером, а восемнадцатого ее еще у вас не было». Предполагают, что графиня сбилась с пути, заплутав в январских выюгах...

За этими сердечными тревогами Вяземский проморгал трагическое развитие событий в семье друга, Пушкина. И тем сильнее было его потрясение, когда до него дошла весть о гибели друга. 16 февраля он пишет Эмилии очень взволнованно: «И что за удивительные совпадения! 29 января - день вашего рождения, день рождения Жуковского и день смерти Пушкина. Сердце мое разбито скорбью, но в нем все-таки высказаны Вам наилучшие пожелания...» И тут же: «...вчерашний бал был прекрасен. Сестра Ваша была залита бриллиантами; на голове у нее сияло солнце, но блеск Авроры оно, однако, не затмило». Горячо защищает поэт «оклеветанного» Пушкина и обрушивается на «подлость» Дантеса. «Я содрогаюсь при одной мысли, что в силу предубеждения или по одному упорству Вы можете думать обо всем этом не так, как я, - пишет Вяземский. - Но нет, нет! Ваше доброе сердце, Ваша способность чувствовать живо и тонко, все, что есть в Вас чистого, возвышенного, женственного, разубеждает меня. обеспечивает мне Ваше сочувствие». И он не обманулся.

Активнейшая переписка длилась полтора года. Эмилия из ярославской деревни посылает Вяземскому разные памятные подарки: то подушечку, вышитую самолично, то связанный ею кошелек. Однажды кошелек этот у Вяземского украли из кармана, и он признается, что совершенно сокрушен этим. Кошелек был для него талисманом, а теперь... «Сейчас я и не у себя, и не у Вас, я нигде, меня больше нет».

С зимы 1838-1839 годов был принят в доме Мусиных-Пушкиных Лермонтов. За несколько лет перед тем он создал свою знаменитую драму «Маскарад», где изобразил идеальную, прекрасную и чистую, героиню, оклеветанную, обвиненную в мнимой измене мужу и гибнущую в результате светской интриги, в зловещем вихре светского «маскарада», в который обратилась вся жизнь петербургского общества. Там его герой восклицает: «Что ныне женщина? создание без воли. Игрушка для страстей иль прихотей других!»

Теперь он влюбляется в Эмилию Мусину-Пушкину и посвящает себя ухаживанию за ней. Мы не пойдем смысл этого ухаживания, если не учтем, что в определенных формах оно было вполне легальным светским ритуалом, вариантом бескорыстного рыцарского поклонения женской красоте как таковой. Сами чувства здесь были этикетными. С другой стороны, такого рода этикетность таила в себе постоянный соблазн и грозила выйти за назначенные рамки. Дама могла откликнуться на выражения чувства. Кавалер мог увлечься всерьез и сполна отдаться своей страсти, которая в таком случае в духе времени приобретала уже роковой характер и развивалась без остановок и промедлений. Здесь могла случиться и дуэль. Наконец, холостой мужчина мог даже скомпрометировать замужнюю женщину.

Бог знает, о чем думалось Лермонтову в эти месяцы ухаживания за Эмилией. сопоставлял ли он Эмилию с Ниной, Владимира Мусина-Пушкина с Евгением Арбениным, а себя - с героем маскарадных походов князем Звездичем?.. Воображал ли он себя «демоном», поэму о котором дописывал в это же время?.. Едва ли. Кажется, его поклонение не шло слишком далеко. Свидетельство тому - его известное стихотворение. Лермонтов изящно срифмовал в 1839 году:

Графиня Эмилия -
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Это стихотворение мадригального характера, где поэт создает традиционный, даже шаблонный образ «жестокой красавицы», однако меняет обычную серьезную интонацию на иную, шутивную. И такая шуτικότητα дает нам понять, что поэт далек от испепеляющей душу романтической страстности. В то же время оказывается, что и Эмилия - вовсе не «игрушка», что пафос романтической драмы не совпадает с реальной самостоятельностью и самодостаточностью этого персонажа светской хроники. Возможно также, что поэт счел за благо превратить в шутку тот поворот взаимоотношений, который в ином случае выглядел бы как его поражение «на randevu» с героиней скорей тургеневского, чем карнавалльно-игрового склада. Об этом мы можем только гадать.

В мае 1840 года Лермонтов уезжает из Петербурга на Кавказ. Вероятно, с тех пор или даже с более

раннего времени он и Эмилия больше не виделись. Для Лермонтова увлечение Эмилией - это, кажется, все-таки только эпизод в светской игре - игре, которую он, бывает, осуждает, но которой в то же время предается до самой смерти. В его сознании игра и жизнь срослись в нераздельное единство. Это его, очевидно, и сгубило год спустя.

Долги Мусиных-Пушкиных росли, но жизнь не казалась проигранной. Все-таки приходилось кое-чем себя ограничивать, больше времени проводить в имении. На целую великосветскую зиму средств уже не хватало. Впрочем, Эмилия полюбила и новую, ярославскую родину. В Борисоглебе графиня Эмилия насадила сад, прививала в хозяйстве всякое тонкое рукоделье, завела школу и больницу для крестьян. Очевидно, именно в этой больнице она заразилась тифом, ухаживая за тифозными больными. Смерть наступила на четвертый день болезни, 17 ноября 1846 года. Эмилия умерла в 36 лет. Соллогуб писал: «Графиня Мусина-Пушкина умерла еще молодою - точно старость не посмела коснуться ее лучезарной красоты». Аврора же так откликнулась на смерть сестры: «Любимая Эмилия умела забывать и уменьшать жизненную достоверность своим веселым очаровательным характером, похожим на искры шампанского».

Среди многих и многих воспоминаний об этой женщине, так ярко жившей и так возвышенно, по-христиански умершей, осталось и одно стихотворение Петра Вяземского. Называется оно «К ней».

Ты светлая звезда таинственного мира,
Когда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.
Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который мне назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.
Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежеет,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум, и сердце вечереет,
И тени смертные снисходят на меня.

Граф Владимир остался вдовцом с четырьмя детьми на руках - Алексеем, Владимиром, Александром и Марией. Жизнь его после этого словно бы надломилась. Совсем сломила графа смерть сына Александра в 1854 году, он умер следом, оставив огромные долги - около семисот тысяч рублей и замечательное завещание. Похоронены Владимир и Эмилия были в одном склепе, в Борисоглебе. Смерть снова соединила их. Ныне эта могила - на дне Рыбинского псевдоморя.

Н. Ф. ИВАНОВА
*Рисунок В.Ф. Бинемана
1830-е гг.*

...моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое...

М.Ю. Лермонтов

Ярославский след «загадки Н.Ф.И.» Неразделенная любовь М.Ю.Лермонтова к Н.Ф.Ивановой

Нестерова Мария,
учащаяся школы №77, 11 «А» класс

Вы спросите меня: при чем тут краеведение и как вообще история этой любви связана с нашим

краем? Ответ на данный вопрос кроется во второй фамилии Ивановой-Обресковой . Дело в том, что Наталья Федоровна не просто отказала Лермонтову в любви, сначала она подала поэту большие надежды, а потом отдала предпочтение Николаю Михайловичу Обрескову, став его женой.

В свою очередь, Николай Михайлович Обресков является одним из представителей древнейшего дворянского рода Обресковых, который, начиная с 1654 года, был тесно связан с Ярославской землей. Многие из дворян Обресковых владели усадьбами и поместьями в Любимском, Галичском, Ярославском, Романово-Борисоглебском уездах, в Костромской, Ивановской и других губерниях.

Кроме того, я живу в микрорайоне "Резинотехника" в 300-х метрах от села Пазушино. А это село, начиная с середины 17 века, являлось родовым поместьем господ Обресковых. Здесь Алексеем Михайловичем была построена церковь, где крестили Обресковых, здесь же до 1930-х годов размещалась и семейная усыпальница с 18 захоронениями. Среди старожилов села нам удалось найти фотолобителя, у которого сохранились старые негативы с видами села . Среди них мы нашли и уникальный для истории негатив с видом фамильного склепа (или усыпальницы). Уникальность этого снимка заключается ещё и в том, что в 30-40гг. семейный склеп Обресковых был превращен в конюшню, а потом и вовсе разграблен и разрушен.

Но я выбрала для исследования не просто тему "Судьба древнейшего рода Обресковых", а маленький её кусочек, связанный с именем Натальи Федоровны Ивановой, известной столичной красавицы. Что же это была за женщина?

Взгляните на этот портрет, выполненный в 1830 году художником Бинеманом. Перед Вами - изящная и очень грациозная женщина с хорошим сложением, тонкой шеей, спокойным и загадочным взглядом. Это и есть та самая Н.Ф.И., в которую долгие годы был безумно влюблен Лермонтов и которой он посвятил свыше 30 стихотворений и драму "Странный человек". Отличаясь изысканными манерами, лёгкостью в обращении, она была желанной гостьей на всех светских балах. На мой взгляд, она чем-то похожа на знаменитую красавицу Натали Гончарову - жену Пушкина.

Взгляните внимательно на её портрет. Нежный, чистый овал. Удлиненные, томные глаза. Пухлые губы. Черты лица хранят гордое и спокойное выражение, в уголках красного рта спрятана любезная улыбка. Весь внешний облик её как бы комментирует лермонтовские строчки:

*"С людьми горда,
судьбе покорна,
не откровенна, не притворна"*

Я не буду подробно останавливаться на биографии Натальи Федоровны – в реферате она изложена достаточно обстоятельно. Замечу только, что отцом Натальи был знаменитый в те времена драматург Федор Федорович Иванов, автор популярной трагедии "Марфа-Посадница". Он часто устраивал в своем доме литературные вечера, на которые приходили П.А.Вяземский, К.Н.Батюшков, князь И.М.Долгорукий , и время проходило "весело, с пользой и чашею в руках".

Однако нас, как краеведов, гораздо больше интересовало знакомство Натальи Федоровны с Лермонтовым, а затем с Обресковым. Почему она отвергла любовь поэта? Что влекло её в будущем муже - Николае Михайловиче? Как сложилась её дальнейшая жизнь с Обресковым?

Кто же был тот человек, ради которого Наталья забыла поэта, забыла все их встречи, и тайные поцелуи, и стихи, посвященные лично ей. Чем он сумел покорить сердце красавицы? Посмотрим повнимательнее на Обрескова. Вот как описывает портрет лермонтовского "конкурента" Ираклий Андроников:"Молодое лицо его довольно красиво, окружено кудрявыми бачками. Но выражение надменное и словно безразличное - неприятное выражение. Он в штатском: высокий воротник фрака, как носили в пушкинские времена, бархатный бант, цепочка с лорнетом и в петлице фрака орден: крест на полосатой ленте. Очевидно, Георгиевский.»

Николай Михайлович Обресков, сын генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Обрескова, родился в 1802г. в Петербурге и восьми лет был отдан в Пажеский корпус. В 1819г. он вступил корнетом в лейб-кирасирский её величества полк, из которого через два года переведен в Арзамасский конно-егерский. В 20-х годах этот полк квартировал в Нижнедевицке, недалеко от Воронежа, и офицеры часто бывали званы на балы воронежского губернатора Николая Ивановича Кривцова, женатого на красавице Елизавете Федоровне Вадковской. Обресков считался с нею в близком родстве. В губернаторской гостиной его встречали как своего. В один из июньских дней 1825 года полковой командир полковник Бердяев получил неприятное уведомление. По окончании последнего бала, на котором присутствовали и офицеры его полка, губернатор обнаружил, что из спальни его супруги похищены золотая табакерка, изумрудный, осыпанный бриллиантами фермуар и двадцать три нитки жемчуга. Кривцов заподозрил гостей. На знамя Арзамасского полка легла "позорная тень". Полковой командир начал допрашивать бывших на балу офицеров, и тогда один из них отдал ему все пропавшие вещи и сознался в краже. Это был поручик Обресков.

Что толкнуло Обрескова на этот поступок, который навсегда погубил его карьеру? Крупный карточный проигрыш и надежда, что его не заподозрят? Или романтическая история с женой губернатора - красавицей Вадковской. Она сама, быть может, отдала с тайной целью ему в тот вечер фамильные драгоценности, а потом, когда муж обнаружил пропажу, Обресков решил спасти честь любимой?

Военный суд лишил Обрескова прав состояния и разжаловал в рядовые, с написанием в Переяславский конно-егерский полк. Из Переяславского полка его в 1829г. перевели по-прежнему, рядовым, в Нижегородский драгунский полк, который в то время делал турецкую кампанию. Обресков побывал в походах, участвовал в турецкой войне. При взятии Эрзурума он отличился и был награжден "солдатским Георгием", как называли тогда в войсках знак "Военного ордена". Этот крестик носили на такой же точно черно-оранжевой георгиевской ленточке, только права на включение в списки георгиевских кавалеров он не давал. Семь лет Обресков про --служил в солдатах. Только в 1833 году он был, наконец-то, "высочайше прощен" и уволен с чином коллежского регистратора. В таком чине в царской России служили самые маленькие чиновники (пушкинский станционный смотритель), и с этим чином Обресков должен был начинать новую жизнь. В 1836 году он определился на службу в канцелярию курского гражданского губернатора. В Курске, постепенно повышаясь в чинах, Обресков прослужил до 1841 года и перевелся в канцелярию харьковского губернатора. Первое время он занят был хлопотами о возвращении ему дворянства и о распространении дворянских прав на детей. В 1860-х годах служил предводителем дворянства в Демянском уезде Новгородской губернии. Умер он в 1866 году, в шестидесятичетырехлетнем возрасте, в своем новгородском поместье Боровичи, дослужившись до чина надворного советника. Но самое интересное то, что в тот год, когда он поселился в Курске и поступил мелким чиновником на службу тамошнему губернатору, он был уже женат на Наталье Федоровне Ивановой.

Почему Наталья Федоровна, обращавшая на себя внимание в московском светском кругу, вышла замуж за этого опозоренного человека, для которого были закрыты пути служебного и общественного преуспеяния? Полюбила? Может быть, потому что он был намного старше Лермонтова, опытнее, да к тому же военный. А может быть, потому что у него в Тверской и Новгородской губерниях насчитывалось около семисот пятидесяти крепостных душ, и он считался состоятельным человеком? Этого мы, очевидно, никогда не узнаем.

Известно, что в начале 1830-х годов Н.Ф. Иванова вышла замуж за Н.М. Обрескова и переименовала фамилию. Но и после замужества она всегда помнила о Лермонтове, дорожила его стихами. В специальной шкатулке она бережно хранила экземпляр пьесы "Станный человек", аккуратно переписанный для неё самим Лермонтовым. Здесь же были спрятаны посвященные ей стихи. Через три года после замужества муж Н.Ф. Обресковой был "высочайше прощен", а ещё через три года семья Обресковых переехала в Курск, т.к. Николай Михайлович поступил на службу в канцелярию Курского губернатора.

У Натальи Федоровны было от мужа четверо детей: два сына и две дочки, которым лишь в 1860 году вернули дворянство. Дмитрий, отставной штаб-ротмистр, родился 1 января 1841 года. Был женат на Елизавете Дмитриевне NN. У них была дочь Варвара, внучка Н. Ф. Обресковой, которая умерла 13 апреля 1878 года. Сын Петр родился 22 июня 1842 года, а умер до 1852 года. Дочь Н.Ф.Ивановой и Н.М. Обрескова, Наталья, которая родилась 22 июля 1848 года, состояла в браке с Сергеем Владимировичем Голицыным. Наталья умерла в 1924 году. У них было две дочки: Христина Сергеевна Арсеньева и Наталья Сергеевна Маклакова. Другая дочь, Екатерина, родилась в 1849 году и воспитывалась в Женеве.

Скончалась Н.Ф. Обрескова 20 января 1875 года на шестьдесят втором году от рождения и погребена на Ваганьковском кладбище. Свидетельства об этом можно найти в солидном издании "Московский Некрополь". Некрополь - по-гречески «город мертвых» Поэтому "некрополями" называют так же алфавитные списки умерших и погребенных людей. Другими словами, - адресные книги кладбищ. Только вместо улицы и номера дома в "некрополе" указана могильная плита или надгробный памятник.

И тут же вслед за именем погребенного приводится все, что написано на могиле: годы рождения и смерти, изречения, стихи. В конце XIX - начале XX века были изданы описания и петербургских, и московских, и некоторых провинциальных кладбищ и даже описания русских могил за границей.

Так по "Московскому Некрополю" мы узнали, что Наталья Федоровна была похоронена на Ваганьковском кладбище. Когда мои друзья-туристы совершили в прошлом году поход и проездом находились в столице, я попросила их отыскать и сфотографировать могилу Н.Ф. Обресковой. Они долго бродили по кладбищу, уточняли у сторожа место захоронения, но так и не нашли интересующую нас могилу. Один из работников кладбища объяснил, что в годы Великой Отечественной войны Ваганьково бомбили немецкие самолеты, и многие могилы были уничтожены, возможно, среди них оказалась могила Натальи Федоровны Обресковой.

Время стирает из памяти людской события, имена ушедших людей, меняет облик деревень и городов, но прекрасные строки великих поэтов живут веками. Они волнуют, вдохновляют, заставляют переживать, ибо чувства вечны.

**Памятник
М.Ю. Лермонтову в Пятигорске**

Скульптор А.М. Опекушин
1889 год

**ПЕРВЫЙ В РОССИИ
Памятник М.Ю. Лермонтову в Пятигорске**

Дамианиди М.Ф., зав. отделом научной пропаганды
Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, г. Пятигорск.
По материалам доклада М.Ф. Дамианиди - выступление И.И. Зенкиной,
зав. Домом-музеем А. Опекушина в с. Рыбницы

В центре Пятигорска, в небольшом сквере стоит памятник М.Ю. Лермонтову работы известного русского скульптора Александра Михайловича Опекушина. Вот уже сто лет как он стал местом поклонения великому русскому поэту. Старые печатные источники, архивные документы донесли до нашего времени историю его создания.

Воздвигнутый на высоком месте, у подошвы горы Машук, памятник М.Ю. Лермонтову и сквер, расположенный вокруг него, стал любимым местом отдыха для горожан и гостей курорта.

Здесь ежегодно проходят поэтические митинги, здесь впервые прозвучали многие стихотворения о М.Ю. Лермонтове К. Кулиева, А. Шогенцукова, Р. Ахматовой, Г. Горбовского, Л. Ошанина и др.

М.Ю. Лермонтов сидит в раздумье на уступе скалы, сброшена шинель, расстегнут офицерский сюртук. Раскрытая книга упала к ногам, поэт задумчиво смотрит на снежную цепь кавказских гор. Никаких украшений, мешающих восприятию всего глубокого, поэтического и вместе с тем человеческого облика М.Ю. Лермонтова.

Отражением всенародной любви к поэту является и сама история создания лермонтовского памятника. Он был открыт 16(28) августа 1889 года. Первым, кто подал идею создания памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске, был журналист П.К. Мартьянов. Выступая в 1870 году в печати он сказал: "Петербург и Кронштадт ставят памятник Крузенштерну и Беллинсгаузену, Киев - Богдану Хмельницкому и графу Бобринскому, Смоленск - Глинке, почему бы Пятигорску, с его тысячами посетителей вод, не принять инициативы в деле сооружения памятника М.Ю. Лермонтову"¹.

Идея П.К. Мартьянова о сооружении памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске была подхвачена арендатором Кавказских Минеральных Вод А.М. Байковым. 1 июля 1871 года он обратился к начальнику Главного Управления Наместника Кавказского действительному статскому секретарю барону А.П. Николаю с докладной запиской:

«В Пятигорске все напоминает Лермонтова. Там он писал свои лучшие сочинения и там кончил свою жизнь. Лермонтов поэт Кавказа и увековечить память его нужно в Пятигорске.

Не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству принять на себя инициативу воздания должной дани памяти поэта и испросить разрешения: поставить ему памятник в Пятигорске, открыть с этой целью повсеместную подписку"².

Ходатайство было удовлетворено и вскоре был получен ответ: "Высочайше разрешено 23 июля 1871 года сооружение в Пятигорске памятника М.Ю. Лермонтову и открытие повсеместной в Империи подписки для сбора пожертвований на этот памятник"³.

Первый взнос после обнародования разрешения был сделан двумя крестьянами Таврической губернии, приславшими 2 рубля, после чего в течение трех лет "в кассу пожертвований не поступило больше ни одной копейки"⁴. Такое положение дел со сбором денег на памятник М.Ю. Лермонтову обеспокоило общественность Кавказских Минеральных Вод. В 1874 году совместно со столичными гостями, приехавшими сюда лечиться, они устроили публичные литературные чтения. Собранные 163 рубля послужили первоначальным вкладом на сооружение памятника. В январе 1875 года была открыта подписка в частях Кавказской армии, где служил поэт. Но только после того, как во Владикавказе в том же году был

учрежден специальный Комитет по сооружению памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске, подписка приняла широкий размах. В состав Комитета входили военные и штатские чиновники Терской области. Писатель-демократ Н.А. Благовещенский представлял в нем литературные и общественные круги. Со званием "строитель памятника" в Комитет был введен арендатор Кавказских Минеральных Вод А.М. Байков, председателем Комитета был генерал-адъютант А.П. Смекалов. Члены Комитета разработали "Правила о сооружении памятника поэту Лермонтову", утвержденные 30 сентября 1875 года генералом фельдцейхмстером Михаилом.

Комитет развернул большую работу по пропаганде сбора средств на памятник среди населения России, выпустили для этой цели листы с воззванием к народу, давали информацию в периодическую печать о собранном капитале и т.д.

Средства, поступившие на адрес Комитета, были незначительными, так как в основном деньги шли от мелких служащих, интеллигенции, военных. Для сановной бюрократии М.Ю. Лермонтов по-прежнему оставался поэтом в опале.

Никто из членов Комитета не предполагал, что сбор средств на памятник растянется на многие годы, а на посту его председателя сменится три генерала. Политическая обстановка в России неблагоприятно отразилась на деятельности лермонтовского Комитета. В период 1876-1878 гг. проходили в стране сборы денег для оказания помощи балканским славянам. Русско-турецкая освободительная война также потребовала пожертвований от частных лиц, различных обществ и учреждений.

Решено было на время приостановить работу Комитета, но как только окончилась война, возобновилась его деятельность. В "Вестнике Европы" в начале 1880 года было опубликовано воззвание, сообщавшее, что собранная с 1871 года сумма составляет 6997 руб.50 коп⁵. "Эта сумма в настоящее время представляет собою весь капитал, имеющийся в распоряжении Комитета, капитал далеко не представительный для сооружения хотя бы самого скромного памятника поэту, но даже для составления его проекта"⁶.

Обращение к гражданам России сыграло положительную роль, призыв был услышан. За один только 1880 год было получено 8253 руб.53 коп. Из них тысячу рублей собрал среди своих знакомых А.И.Васильчиков, секунданта на дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым. Деньги на памятник шли со всех концов России: из Владимирской, Курской, Ефимской, С-Петербургской, Кубанской, Ставропольской и других губерний. Так народ высказал свою любовь к М.Ю. Лермонтову.

Большую помощь в сборе средств на памятник оказала газета "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", которая выделила специальную рубрику "О подписке на памятник М.Ю. Лермонтову в городе Пятигорске". Среди подписчиков некто Иван Андреевич внес 99 копеек и по этому поводу прислал в редакцию "Листка" письмо, в котором объяснил, что подписываемые им 99 копеек он представляет на пополнение одной копейки, пожертвованной на памятник господином Мищенко, т.к. по его крайнему разумению он находит, что, "пожертвованием этой одной копейки выражена явная насмешка над бессмертными произведениями Лермонтова и над сочувствием общества к его заслуженной памяти"⁷.

Этот случай стал достоянием широкой гласности и об этом с болью и негодованием рассказывал в 1876 году Ф.М.Достоевский в "Дневнике писателя": "Он пожертвовал одну копейку серебром и подписал свое имя... именно мечтая о славе... Статский советник имел, очевидно, в виду высказать свою умственную силу, взгляд, направление, он протестовал против искусства, против ничтожности поэзии в наш век "реализма", пароходов, железных дорог"⁸.

На страницах "Листка" выступил писатель, член Комитета Н.А. Благовещенский с обращением к жителям Пятигорья и ко всем посетителям курорта принять участие в подписке на памятник поэту. Газета ежегодно из номера в номер сообщала читателям сведения о состоянии капитала по всем подписным листам и о работе Лермонтовского Комитета. По инициативе Комитета с 1881 года в Пятигорске 15 июля стали проводить День памяти М.Ю. Лермонтова. Начинаясь он с панихиды в городском соборе. Не обошлось здесь без инцидента. Протоиерей Василий Эрастов (гот самый, который в 1841 году отказался хоронить М.Ю. Лермонтова по обрядам православной церкви) категорически отказался проводить службу. Пришлось обращаться Комитету к епископу Герману с просьбой разрешить панихиду⁹.

После панихиды состоялось открытие первой (временной) мемориальной доски на доме, где жил поэт в 1841 году, а затем торжественное шествие депутатов с венками для возложения их к бюсту М.Ю. Лермонтова в Елизаветинской галерее. Вечером в Михайловской галерее (ныне музей "Курортная выставка") состоялся большой концерт "исключительно составленный из музыки на произведения Лермонтова".

В концерте участвовали столичные гости: М.Н. Гурьева, Е.А. Евдокимова и артисты императорских театров Д.А. Усатов, П.А. Хохлов, Н.И. Музиль и П.А. Щуровский. Весь сбор с концерта поступил в фонд памятника. В результате чествования была собрана крупная сумма - 2000 рублей¹⁰.

К деятельности Комитета относится и его работа по определению места дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым. В сохранившихся документах находится черновик протокола по определению места дуэли с показаниями извозчиков Е. Чалого и И. Чухнина, перевозивших тело убитого поэта с места его трагической гибели к его квартире.

Известно, что к работе комиссии по определению места дуэли присоединился первый биограф М.Ю. Лермонтова - П.А. Висковатов. А.М. Байков тогда записал: "Профессор Дерптского университета П.А.

Висковатов, составляющий описание жизни М.Ю. Лермонтова и собирающий данные для его биографии был у меня 12 августа 1881 года.

Вечером ездили с ним и Г.Хр. Якобсоном смотреть место дуэли и по всем имеющимся у него данным остановились на месте, указанном Чухниным... П.А. Висковатов передал мне нечто вроде протокола относительно места дуэли поэта М.Ю. Лермонтова. Протокол этот подписан и Эмилией Шан-Гирей 15 августа 1881 года"¹¹.

По сообщению газеты "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", стало известно, что с 1881 года чествование памяти М.Ю. Лермонтова в Пятигорске становится уже традицией. Одновременно продолжается сбор денег на памятник.

К январю 1883 года собранная сумма достигла уже почти 30000 руб. С таким капиталом можно было начинать работу по изготовлению памятника. Председатель Комитета начальник Терской области А.П. Свистунов обратился в редакцию петербургского журнала "Хозяйственный строитель" с пожеланием, чтобы редакция взяла на себя организацию конкурса на составление проекта памятника. Редактор журнала П.П. Мижуев предложил сделать конкурс всенародным, считая, что сооружение памятника поэту является "делом сочувственным всей русской интеллигенции", ему надо дать "сколь возможно большой простор, пригласить к нему лиц из сфер: ученой, художественной и литературной"¹².

Генерал-лейтенант А.П. Свистунов согласился с доводами П.П. Мижуева и предоставил ему полное право на организацию и проведение конкурса на лучший проект памятника М.Ю. Лермонтову.

Конкурс на лучший проект памятника М.Ю. Лермонтову был открыт в Петербурге в начале 1882 года. Была создана комиссия, в состав которой входили: М.О. Микешин, известный русский художник, автор проектов памятника "Тысячелетие России" в Новгороде, Богдану Хмельницкому в Киеве, Екатерине II в Петербурге и многих других; И.Н. Крамской - один из создателей Артели художников и Товарищества передвижников, утверждавший принципы демократического реалистического искусства; А.А. Краевский, лично знавший М.Ю. Лермонтова, издатель журнала "Отечественные записки", где поэт публиковал повести из романа "Герой нашего времени" и другие произведения. В комиссию вошли однополчане М.Ю. Лермонтова: А.И. Арнольди, автор "Записок" о службе с поэтом в Гродненском гусарском полку в 1838 году и о встрече с Лермонтовым в Пятигорске летом 1841 года, М.И. Цейдлер, сослуживец поэта по Гродненскому гусарскому полку. Участвуя в проводах Цейдлера на Кавказ, М.Ю. Лермонтов написал экспромт "Русский немец белокурый...». Цейдлер впоследствии сделал гипсовый барельеф поэта по оригиналу Шведе.

Был приглашен в состав комиссии начальник Николаевского кавалерийского юнкерского училища генерал А.А. Бильдерлинг, основатель первого лермонтовского музея, и другие. Председателем комиссии стал редактор журнала "Хозяйственный строитель" П.П. Мижуев.

На первом заседании, состоявшемся 9 февраля 1882 года, П.П. Мижуев предложил первоначально объявить конкурс не на сам проект, а на его идею, предоставив его участникам право выразить идею произвольно - рисунком, моделью, письменным изложением. "Премировать лучшее проявление идеи с предоставлением ее осуществления художнику-специалисту по усмотрению Комиссии, или же назначить на премированную идею новый конкурс путем модели или рисунка по усмотрению"¹³. Выступление председателя комиссии поддержал художник М.О. Микешин. Он считал, что скульптурное произведение должно выражать собой полную, ясную нравственную оценку личности поэта, олицетворять его поэтический образ и степень культуры эпохи, в которой он был сооружен. К этому первому заседанию художник готовился серьезно, свое отношение к предстоящему конкурсу он выразил в докладной записке, которую зачитал членам комиссии.

"...Я хочу лишь убедить в том законном и логическом сознании, что каждый монумент должен изображать с возвышенным совершенством (в смысле идеи) лишь то, что составляет его цель, его задачу... Если бы каждый памятник строился на столь совершенно выработанной идее, если бы в сочинении его не было ничего упущено, а ровно и ничего лишнего не прибавлено, тогда наши монументальные сооружения приобрели бы совершенно иное значение в общественном мнении не только современников, но и потомства"¹⁴.

Следующее заседание комиссии состоялось 21 октября 1882 года. Возник между ее участниками В.П. Гаевским и А.А. Бильдерлингом. Первый из них выступил с заявлением о том, "что Лермонтов принадлежит всей России, а потому место ему не на Кавказе (как это утверждал начальник Николаевского кавалерийского училища), а в одном из двух центров"¹⁵. Обсуждение перенесли на следующее заседание, состоявшееся 29 октября 1882 года. Спор продолжался. В.П. Гаевский считал, что желательно поставить памятник М.Ю. Лермонтову в Москве, где поэт родился, его поддержали другие члены комиссии: П.П. Каратыгин, А.А. Краевский, М.А. Микешин, П.П. Мижуев. Наконец все единогласно решили - поставить памятник М.Ю. Лермонтову в Москве. С этим предложением комиссия обратилась к главноначальствующему над гражданской частью на Кавказе князю А.М. Дондукову-Корсакову. Вскоре пришел ответ, князь отклонил ходатайство, инициатива общественности была подавлена. В мрачные годы разгула политической реакции не могло быть и речи о постановке в Москве памятника опальному поэту.

Таким образом местом для сооружения памятника М.Ю. Лермонтову остался город Пятигорск.

Покончив со всеми формальностями, члены комиссии только на 4 заседании 19 ноября 1882 года выработали окончательную программу конкурса.

"Желающим предоставляется представить на конкурс свою мысль производно эскизным рисунком, в виде рисунка карандашом, пером, акварелью или в виде небольшой модели из глины или воска и т.п. Масштаб может быть произвольный. Рисунок и модели должны быть снабжены запискою, поясняющей мысль автора..."¹⁶

Программа была опубликована во многих журналах и газетах России, чтобы как можно больше привлечь желающих к участию в конкурсе.

Участники первого конкурса обязаны были представить свои работы к 17 февраля 1883 года. Комиссия утвердила список членов жюри.

В его состав вошли: профессор Ф.И. Иордан, известный гравер, создавший портреты деятелей русской культуры и портрет М.Ю. Лермонтова гравированный на стали с акварели К.А. Горбунова, художник К.Е. Маковский, М.А. Зичи, иллюстратор романа "Герой нашего времени", поэмы "Демон", художник, гравер, коллекционер произведений искусства М.П. Боткин; литераторы: редактор журнала "Вестник изящных искусств" А.И. Сомов, художественный критик А.М. Матушинский, поэт Я.П. Полонский; скульпторы Н.И. Ловрецкий, П.П. Забелло, М.Ф. Чижов; архитекторы И.С. Богомоллов, Е.А. Сабанеев, И.И. Шапошников.

На первый конкурс было представлено 52 проекта, 15 моделей, 5 письменных заявлений идей без рисунка¹⁷. Но они не были одобрены даже в общих чертах. Жюри не присудило не только первой, но и второй • премии. Работы не удовлетворяли требованиям комиссии и "не выражали идею памятника".

Комиссия решила объявить второй конкурс, определяя его срок на 5 апреля 1883 года. Участвовать в нем были приглашены скульпторы и художники П.П. Забелло, М.М.Антокольский, Н.И. Ловрецкий, К.Е. Маковский, М.А. Зичи, А.М. Опекушин.

Второй конкурс тоже не дал желаемых результатов. Всего было прислано 65 проектов. "М.А. Зичи составил проект памятника поэту М.Ю. Лермонтову на 6 листах, на проекте этом подписал свое имя и заявил, что желает остаться вне конкурса, предоставляя свой труд, как знак особого уважения к поэту и вместе с тем отказывается от экспертизы". Проект Зичи не удовлетворял требованиям жюри ввиду дороговизны его исполнения.

Рассмотрев присланные на конкурс эскизы, наброски, модели, выражающие идею памятника М.Ю. Лермонтову, комиссия признала лучшим проект № 44 под девизом "Лучше поздно, чем никогда". Ее автор преподаватель рисования в г. Тамбове Иван Петрович Фрейман удостоен I премии. Второй премией награжден проект № 27 под девизом "Одинок он стоит задумавшись глубоко и тихонько плачет он в пустыне", его автор скульптор Роберт Романович Бах. Итоги 2 конкурса были доведены до сведения Владикавказского Комитета.

Отмеченные I и 2 премией модели не были приняты к исполнению в бронзе. Из всех представленных на конкурс работ комиссия при тщательном и всестороннем обсуждении не могла остановиться ни на одном из них и решила назначить 3 конкурс. Все с нетерпением ожидали его результатов. Был избран новый состав жюри, а также эксперты по бронзовой отливке, по мраморной и гранитной работе, специалисты по определению стоимости премированной модели.

30 октября 1883 года комиссия подвела итоги. Было представлено 15 моделей. Их выставили на всеобщее обозрение в помещении Общества поощрения художеств. Свое мнение по поводу выставленных работ посетители могли изложить письменно. Таких записок оказалось 28. Многие сомневались, что конкурс даст положительный результат, т.к. короткие перерывы между конкурсами не позволяли особо надеяться, что за это время можно создать что-либо интересное. А все-таки конкурс завершился успешно, жюри сочло возможным большинством голосов присудить первую премию одному из проектов под № 14. Автором модели № 14 под девизом "Порыв" оказался академик ваяния А.М. Опекушин, получивший премию в 1000 рублей. Работа Опекушина отличалась от большинства других простотой композиции, высоким профессиональным мастерством исполнения. Кавказ стал основой образного решения его проекта. Однако модель имела свои недостатки - малое сходство с внешностью поэта, которые он обещал исправить.

Последнее II заседание комиссии состоялось 2 июня 1884 года. Его члены А.И. Арнольди, М.А. Чижов, П.А. Монтеверде, В.П. Гаевский, осмотрев изготовленную А.М. Опекушиным модель памятника М.Ю. Лермонтову признали, что указанные Опекушину в заседании 30 октября 1883 года необходимые изменения в выставленной им на конкурс модели памятника исправлены. Постановили: действия комиссии по составлению проекта памятника поэту М.Ю. Лермонтову считать оконченными.

А.М. Опекушин выполнил огромную подготовительную работу, прежде чем был создан окончательный вариант памятника. Он просмотрел, прочитал, изучил сотни книг, рукописей, писем, портретов М.Ю. Лермонтова и другие материалы. Им были созданы десятки рисунков и моделей статуи Лермонтова и самого памятника, и все они не удовлетворяли Опекушина. Скульптор не оставлял работы над поиском образа и после того, как в октябре 1883 года в последнем конкурсе на лучший проект памятника Лермонтову получил первую премию. Ни одно произведение не давалось ему с таким трудом. Самым сложным для скульптора оказался вопрос о внешности поэта, чей образ он должен был представить в бронзе. Если при исполнении бюстов и статуй Пушкина скульптор мог видеть посмертную маску и ряд превосходных его портретов, то на этот раз Опекушин не имел такой возможности. С лица Лермонтова не была снята посмертная маска, а портреты его были весьма противоречивы и вызвали споры среди тех, кто знал его лично. Председатель Комитета по сооружению памятника генерал-майор Е.К. Юрковский писал в

октябре 1884 года П.П. Мижухеву, что "судя по этой модели, можно догадываться о принадлежности сооруженного по ней памятника поэту Лермонтову только по надписи на пьедестале". Если Опекушин не исправит этот недостаток, то "Комитет не сочтет себя вправе воспользоваться премированной моделью"¹⁹.

Действительно, портрет поэта, оставленный его современниками, ставил перед каждым, кто захотел бы его изобразить в живописи, графике, скульптуре огромные трудности. Анализируя высказывания современников о внешности Лермонтова, И.Л. Андроников писал: "Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта. Они ускользали не только от кисти художников, но и от описаний мемуаристов. А если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлении о его внешности совершенно расходятся между собой".

И.С. Тургеневу запомнилось выразительное лицо поэта. "В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, какой-то сумрачной и недоброй силой веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижных глаз. Вся его фигура, приземистая и кривоногая, с большой головой на сутулых плечах возбуждала неприятное ощущение: присущую мощь тотчас сознавал всякий...".²⁰ Известный журнальный деятель и беллетрист И.И. Панаев описывает Лермонтова так: "Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие умные пронзительные глаза, невольно приводящие в смущение того, на кого он смотрел долго"²¹.

Художник М.Е. Меликов особое внимание в своих воспоминаниях уделил глазам, описанию взора Лермонтова. "... Он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, умные, с черными ресницами, делавшие их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто был симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица"²².

Понятно, как трудно было Опекушину создавать скульптуру, правдиво передающую образ поэта. В начале 1883 года он выступил в печати с сообщением о портретах Лермонтова и о важности решения вопроса о степени их сходства. Опекушин давал весьма важные сведения и советы скульпторам, "которые, может быть, в разных концах России готовят проекты памятника Лермонтову"²³. По его мнению, "самый распространенный" (в то время) портрет поэта "в сюртуке, без эполет, с шашкой и ремнем через плечо" оказался "наименее схожим". В результате осмотра ряда коллекций, а также портретов М.Ю. Лермонтова, собранных П.А. Висковатым, бесед с лицами, близко знавшими Лермонтова, Опекушин пришел к заключению, что особого внимания заслуживает автопортрет в бурке и на фоне гор, 1837 года, а еще более - портрет поэта в профиль, написанный с натуры карандашом в 1840 году на Кавказе однополчанином Лермонтова Д.П. Паленом после валерикского боя в палатке барона Л.В. Россильона. "Профильный портрет поэта весьма важен, даже необходим при лепке бюста", - писал скульптор²⁴. Сходство этого портрета подтвердили современники, лично знавшие Лермонтова, - князь А.И. Васильчиков и генерал А.П. Потапов.

Понимая сложность и ответственность работы над созданием скульптуры Лермонтова, Опекушин в договоре, заключенном 10 июня 1885 года с А.М. Байковым, писал: "Ввиду того обстоятельства, что удовлетворительного портрета Лермонтова не существует, а нужно еще, так сказать, создать его, то я Опекушин, должен предварительно вылепить колоссальный этюд головы, воспользовавшись для этого имеющимися материалами и указаниями лиц, близко и лично знавших поэта, дабы предлагаемая к отливке бронзовая статуя до последней степени отвечала сходством с очертаниями облика покойного поэта."²⁵

Создавая памятник Лермонтову, Опекушин стремился отразить в нем не только портретное сходство, но и создать художественный образ поэта таким, каким он его себе представлял, влюбленным в Кавказ. Скульптор строил фигуру, учитывая окружающую природу. Перед ним встала важная задача построить памятник так, чтобы монументальные качества не были подавлены величественной картиной гор, чтобы он сливался с гордой красотой мест, которые любил поэт и воспел в своих произведениях.

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем горы снеговые,
Машук склонялся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось думал: тяжкою стопой
Перешагнуть поместия чужие...

Работа по изготовлению памятника шла медленно, потому что Опекушин одновременно трудился еще над созданием памятника ученому - натуралисту К.М. Бэру. Монумент ему был открыт 16 ноября 1886 года в Тарту, и только после этого Опекушин смог, наконец, все свои творческие силы посвятить Лермонтову. В 1887 году неожиданно скрылся, уехав за границу, мраморщик Эспозито, получивший вперед деньги (3000 рублей) за мраморную скалу для пьедестала памятника. Пока шла переписка, пока выясняли отношения, время шло. А.М. Байков убыток взял на себя. Он писал наказному атаману, начальнику Терской области генерал-лейтенанту и кавалеру А.М. Смекалову: "Три тысячи рублей, выданные Эспозито от 20 июля 1886 года погибли безвозвратно. Как я уже и писал деньги эти (3000 руб.) предоставляю Комитету считать за мною... В дальнейшем Комитет может поступить двояким образом:

или потребовать от меня 3000 руб. и поручить заказ пьедестала другому лицу, за то я в претензии не

буду; или потребовать от меня, чтобы я докончил исполнение возложенного на меня Комитетом поручения, на то Комитет конечно имеет право... 15 августа 1888 года"²⁶.

Комитет решил, чтобы А.М. Байков продолжил возложенную на него работу. Взяв убыток на себя, Байков 2 ноября 1888 года заключил договор на изготовление теперь уже гранитного пьедестала и ступеней с другим мастером, тоже итальянцем А.С. Тонетти.

До открытия памятника оставалось меньше года, однако даже члены комитета не были уверены в близком его окончании. Секретарь Комитета по сооружению памятника Лермонтову П.В. Бойчевский с отчаянием писал А.М. Байкову: "... Просто какой-то злой рок висит над памятью незабвенного поэта, которого мы отняли от России и до сих пор не сберемся никак достойно почтить его память..."²⁷

Между тем изготовление памятника все же продвигалось все ближе и ближе к цели. 20 марта 1889 года А.А. Бильдерлинг сообщал во Владикавказ: "Академик Опекушин почти совершенно окончил лепку статуи Лермонтова, остается только окончить некоторые детали и поработать лицо по имеющимся у меня портретам и по указаниям современников - г.г. Краевского и Арнольди. Сегодня еще видел в мастерской Опекушина статую в глине и нахожу, что в художественном отношении она исполнена очень хорошо"²⁸.

Статуя высотой в 2,35 метра отливалась на заводе Морана в С-Петербурге и в начале июля была выставлена на дворе литейного заведения. Она изображает Лермонтова сидящим на обломке скалы в задумчивой позе, военная шинель сброшена с плеч и красивыми складками драпируется сбоку, что является важным декоративным и композиционным звеном, связывающим фигуру и постамент в одно целое. У ног поэта лежит раскрытая книга. На челе печать глубокой мысли, взгляд устремлен вдаль.

Памятник предполагалось открыть в день рождения поэта, 15 октября, в честь 75-летия М.Ю. Лермонтова. Но после завершения курортного сезона в Пятигорске осенью жизнь замирала, и тогда торжество по случаю открытия памятника перенесли на август. В Пятигорске шли приготовления по завершению работ в сквере, где должно было состояться открытие памятника. Крутой обрыв с рытвинами, по которым во время летних ливней неслись потоки грязи и камни, укрепили подпорной стеной из машукского камня. Сквер обнесли чугунной решеткой, баллюстрадой с фонарями по углам, сделали каменный грот и сторожку. Сама планировка сквера оказалась подобна лире. Проект был выполнен гражданским инженером, архитектором из Ростова-на-Дону Н.Л. Дорошенко.

В середине июля 1889 года Владикавказский Комитет обратился в Правление общества попутных железных дорог от Петербурга до станции Минеральные Воды с просьбой провезти статую Лермонтова нигде не задерживая с тем, чтобы в последних числах июля она была в Пятигорске. Академик А.М. Опекушин, не нарушая условия контракта от 10 июня 1885 года, где он брал обязательство лично под своим наблюдением, установить памятник, выехал с мастерами в Пятигорск, получив от Комитета на поездку 1000 рублей²⁹.

Для постамента из Крыма привезли 8 массивных гранитных плит. Сооружение пьедестала выполнил итальянец С.А.Тонетти.

Прибывшие с Опекушиным мастера приступили к установке статуи. Простой и строгий пьедестал украшен бронзовой лирой и венком - внизу имя поэта и дата открытия памятника. На постаменте с южной стороны имя А.И. Опекушина.

Весь комплект работ по изготовлению и установке памятника М.Ю. Лермонтову был завершен. 16(28) августа 1889 года в Пятигорске состоялось открытие памятника. "Это был праздник Пятигорска, - писали в газете "Северный Кавказ", - все от мала до велика пришли на площадь к Лермонтовскому скверу"³⁰.

Окруженный флагами, цветами, гирляндами, на площадке усыпанной чистым песком, возвышался огромный монумент, завешанный белым полотняным покрывалом. После торжественной панихиды в соборе, все присутствующие на ней во главе с начальником Терской области наказным атаманом генерал-лейтенантом А.М. Смекаловым отправились к памятнику в сопровождении военного оркестра. Смекалов прочитал краткий отчет о приходе и расходе сумм, собранных на памятник. Капитал составлял 54409 рублей 64 копейки. Из него израсходовано на премию по составлению эскиза и проекта памятника 1701 руб.25 коп., на устройство сквера со всеми постройками в нем, в том числе и Лермонтовского грота 25324 рубля 23 копейки, стоимость бронзовой статуи Лермонтова, отлитой на заводе Морана в Петербурге, составляла 14179 рублей 20 копеек, стоимость скалы (пьедестала) из крымского гранита с установкою 6023 рубля 82 копейки, а всего было израсходовано 49093 рубля 41 копейка³¹. Остаток денег предполагалось употребить с пользою для увековечивания памяти М.Ю. Лермонтова. Генерал-лейтенант А.М. Смекалов провозгласил памятник открытым, и в ту же минуту с монумента упала завеса. А.М. Опекушин, приехавший на праздник для руководства установкой памятника, открыл перед собравшимися скульптуру поэта. Перед заполнившей сквер публикой возник образ певца Кавказа. Оркестр Тенгинского полка заиграл гимн, а потом исполнил сочиненный В. Саулем марш "Лермонтов". Тенгинцы возложили к памятнику поэта роскошный серебряный венок.

Этот памятник М.Ю. Лермонтову - первый в России, поныне представляет одну из главных достопримечательностей города Пятигорска и является символом всенародной любви к поэту благодарных потомков.

Примечания:

1. "Всемирный труд", 1870, № 10.
2. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 70, лл. 84в-84об.
3. Там же.
4. Там же, л.9.
5. "Вестник Европы", 1890, № 1, с.459-460.
6. Там же.
7. "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", 1875, № 8, 6 июля.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. 1.Х.СПб., изд-во А.Ф. Маркса, 1895, с.260.
9. ГПБ, ф.429, ед.хр.70, лл.68-68об.
10. Там же, лл. 67а,73а.
11. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 70, лл. 88-89.
12. Там же, лл. 203-205.
13. ГПБ, ф. 429. ед. хр. 70, л.203,-205.
14. Там же, лл. 210-210 об.
15. Там же, лл. 213-213 об.
16. Там же, л. 218.
17. Там же, лл. 222-222об.
18. Там же.
19. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 71, лл. 18-18об.
20. Якимов В.П. На месте последних дней Лермонтова. -"Исторический вестник", 1901, г.85, с.636.
21. Там же.
22. "Русская старина", 1896, г. XXXVI, кн.6.с.648.
23. "Новое время", 1883, № 2523. 8(20) марта, с.г.
24. "Неделя строителя", 1883. № II. с.78.
25. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 72, л. II.
26. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 74,л. 354 об.
27. Там же, лл. 362-362об.
28. Там же, л.413.
29. ГПБ, ф.429, ед. хр. 74, лл. 432-433.
30. "Северный Кавказ", 1889, 24 авг.
31. "Исторический вестник", 1889, октябрь

Николай Юрьевич Лермонтов – ярославский архитектор

Белова М.Ю, ст. научный сотрудник, Музей истории г. Ярославля

Лермонтов Н.Ю. - ярославский архитектор первой половины XX века. Родился в 1867 г. в селе Алексеено Костромской губернии. Учился на специальном отделении Института гражданских инженеров в Петербурге (ныне – Инженерно-строительный институт)¹. Живя в Ярославле, Лермонтов Н.Ю. не только составлял проекты зданий, но и сам осуществлял техническое руководство строительством,

Многое в биографии архитектора не совсем ясно. Есть ряд архитектурных объектов, авторство которых ошибочно связывают с именем Н.Ю. Лермонтова. Скорей всего это вызвано сложностями, всегда существующими при определении автора того или иного проекта. Чертежи, хранящиеся в архивах с подписями архитекторов, свидетельствуют лишь о том, что владелец подписи принимал участие в проектировании данной постройки. Однако, чертежи могут быть рабочими, или подпись может принадлежать не автору проекта, а должностному лицу, принимающему работу. Чтобы определить, что именно было сделано данным архитектором по тому или иному проекту, нужно иметь какие-то дополнительные документы. Это могут быть протоколы заседаний строительной комиссии, пояснительные записки к проектам и т. д. Очень ценными источниками являются анкеты, которые составлялись в советское время всеми служащими при переходе с одной должности на другую.

Одну из анкет, заполненную Н. Ю. Лермонтовым, мне удалось обнаружить в ГАЯО². Но документ вызывает много вопросов. Во-первых, «Список наиболее интересных работ», составленный самим архитектором, начинается с 1913 года. Однако, еще в 1911 году им был разработан проект перестройки фасада северного корпуса Гостиного двора, который впоследствии Э. Добровольская и Б. Гнедовский характеризовали как «представительное, импозантное по своему облику сооружение»³. Кроме того, из анкеты следует, что в институт Н.Ю. Лермонтов поступает только в 1910 году и выбывает из него недоучившись по военным обстоятельствам в 1916 году⁴. Выходит, что архитектор учился без отрыва от работы.

Так или иначе, первый проект с подписью Н.Ю. Лермонтова, из обнаруженных мной в архиве, датируется 1900 годом⁵. В это время архитектор работает инженером в губернской земской управе. С 1901 года Н.Ю. Лермонтов становится действительным членом ЯГУАК. Известно, что в составе комиссии он

составляет описи церквей Ярославской епархии (1909 г.), и ведет наблюдение за ремонтом Вознесенской церкви в Ярославле⁶.

В декабре 1909 года архитектор приступает к разработке проекта перестройки западного фасада северного корпуса Гостиного двора. При приглашении его на заседания строительной комиссии к нему обращаются «Ваше высококордие»⁷. Это свидетельствует, что Н.Ю. Лермонтов имел чин статского советника.

Перед архитектором было поставлено условие сохранить тот же стиль постройки, но при этом уничтожить как наружную, так и внутреннюю галерею, за счет чего увеличить ширину корпуса⁸. Однако Н.Ю. Лермонтов не сохраняет старый стиль. Он смело модернизирует классическую ордерную систему, которая, как отмечают Э. Добровольская и Б. Гнедовский, приобретает «здесь совершенно новое художественное звучание. Ритм чередующихся широко расставленных пилястр высшего ордера и огромных витрин в простенках создает выразительный образ крупного торгового предприятия с многочисленными помещениями, как бы нанизанными на единую ось, параллельную оси улицы»⁹. Искусствоведы подчеркивают также выразительность скошенных углов фасадов здания. «видимых издали при движении на одной из самых оживленных городских магистралей»¹⁰. По поводу скошенных углов в 1910 году в строительной комиссии разгорелись споры. Городской архитектор Н.Д. Раевский высказал замечание, что «срезанные углы здания, увеличивая красоту фасада, вредно влияют на удобства магазинов». Но после обсуждения решили: «срезанные углы оставить. Прямые углы вряд ли дадут больше удобства ... и в смысле красоты фасада с тупыми углами будет красивее!»¹¹. Завершая работу над Гостиным двором в Ярославле, Н.Ю. Лермонтов разрабатывает проект здания Рыбинского земства (1911 г.)¹².

В 1913 архитектор выполняет заказ купцов Понизовкиных, имеющих крахмало - паточный завод, (ныне – «Кр. Профинтерн»), Распространено мнение, что Н.Ю. Лермонтов является автором проекта хозяйского особняка в псевдо-романтическом стиле¹³. Сам архитектор в своей анкете указывает, что в 1913 году он осуществлял самостоятельное техническое руководство, производство рабочих чертежей, изготовление шаблонов и т.д. «на постройке 40-ка квартирного дома на заводе бывшего Понизовкина»¹⁴. Следовательно, автором проекта был все-таки кто-то другой.

В 1914 Н.Ю. Лермонтов исполняет обязанности городского архитектора Ростова¹⁵. Там он осуществляет техническое наблюдение и руководство строительством следующих зданий: родильного приюта, городского училища, пристройки к зданию офицерского собрания, городских скотобоен; ведет капитальный ремонт, здания городской управы. По проекту архитектора строится беседка в городском саду. Вернувшись в 1915 в Ярославль, Н.Ю. Лермонтов работает над проектами реконструкции и строительства фабрично-заводских зданий, в частности нового сернокислотного корпуса на заводе Понизовкиных.

В советские годы после антибольшевистского восстания 1918 года архитектор становится одним из организаторов строительных работ по восстановлению зданий, к примеру, городского водопровода, Казенного винного склада (ныне – Ликеро-водочный завод), первой Советской городской больницы (ныне - больница им. Соловьева).

В нач. 1920-х Н.Ю. Лермонтов разрабатывает проект здания школы Садоводства и огородничества со службами. Под его руководством и по его проекту производится реконструкция здания бывшего ресторана "Столбы" под "Дом крестьянина".

И снова много времени архитектор уделяет промышленным объектам. Он руководит постройкой разработанного им же производственного корпуса на Ярославском гвоздильном заводе, осуществляет свой проект по отоплению и вентиляции заводов «Лакокраска» и «Красный маяк», составляет предложения по капитальному ремонту и переоборудованию завода Вахрамеева под постоянную выставку сельскохозяйственных машин и орудий и проектирует здания литейных и сборочных цехов для завода «Пролетарская свобода». Одновременно, в Полушкиной роще, на территории будущего Резиноасбестового комбината по его проектам возводят жилые дома для служащих, бараки для торфушек, конюшни, пожарное депо, водонапорную временную электростанцию, лесопильный завод, слесарные и столярные мастерские, водонапорную башню. Н.Ю. Лермонтов проектирует целые комплексы промышленных построек, куда входят здания цехов, складов, жилых домов. Так в 1922 году архитектор составляет проект торфо-подстилочного-завода на Вакаревском торфянике. Проект включал жилые дома для служащих, бараки для торфушек, конюшни, пожарное депо, водонапорную башню, сараи и другие служебные здания. Тогда же Н.Ю. Лермонтов работает над типовыми проектами картофелехранилищ и складов, по одному из которых был построен картофеле-ссыпной пункт с элеватором и жилыми домами в пос. Семибратово¹⁶ (Кстати, типовым проектированием архитектор занимался и в дореволюционный период. Им были составлены типовые проекты школьных зданий для Ярославской губернии с подробной разработкой деталей, сметными расчетами и пояснительной запиской¹⁷, а в 1916 году вышел в свет его «альбом типовых проектов народных домов»¹⁸).

В 1929 году Н.Ю. Лермонтов переезжает жить в Калугу. Там он получает звание заслуженного работника архитектуры. В 1949 году архитектор умирает. Похоронен он в Уфе на Сергиевском кладбище.¹⁹

От составителей. Вопрос о том, принадлежал или нет архитектор Н.Ю. Лермонтов к роду поэта М.Ю. Лермонтова нуждается в дальнейшем исследовании.

Примечания:

1. ГАЯО, Р-1297, оп.1, д.824, л. 521.
2. Там же.
3. Добровольская Э.Д., Гнедовский, Б.В. Ярославль Тутаев.-Москва, 1981-с. 252.
4. ГАЯО. Р-1297, оп.1, д. 824, л. 521.
5. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 3532, л. 13.
6. Труды ЯГУАК, кн. 7, в. 1, 1914- с. 5, 47, 73; в.2, 1914- с. 44.
7. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 1347, л.11.
8. Там же.
9. Добровольская Э., Гнедовский Б.В. Указ. соч. с.252.
10. Там же.
11. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 1347, л. 69 – 71.
12. РИАХМЗ-7071.
13. См.: «Юность», 1990, 21 июля; «Золотое кольцо», 1996, 3 августа, «Северный край» , 1994, 15 сентября.
14. ГАЯО. Р-1297, оп, 1, д, 824, л,522.
15. Там же.
16. Там же. Л.523.
17. Пояснительная записка к альбому нормальных планов школьных зданий для Ярославских губерний,-Б.м., б.г.
18. Альбом типовых проектов народных домов.- Ярославль, 1916г.
19. Зеленов В.С. Калужский гражданский архитектор Лермонтов // Пятая краеведческая конференция Калужской области: тез. докл.- Обнинск, 1990 г., с.88-91.

Митрополит
Ярославский и Ростовский
ИОАНН (Вендланд)
(1909 - 1989)

Митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) из рода Лермонтовых

Волков Я., сотрудник Отдела религиозного образования
и катехизации Ярославской епархии

С 1967 по 1984 год правящим архиереем епархии — девяностым — был митрополит Иоанн, в миру Константин Николаевич Вендланд, умерший 25 марта 1989 года. Прожив в Ярославле больше двадцати лет, он был известным человеком в городе, и не только среди верующих. Две реки его жизни, гражданская и церковная, текли, сливаясь вместе: название одной — Церковь, другой — геология.

Митрополит Иоанн родился в Петербурге 14 января 1909 года в семье со старинными культурными традициями. Он — выходец из той русской аристократии, которая была впоследствии или повыбита

железом, или разбросана по белу свету. О его предках написано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Какие удивительные повороты судьбы, неповторимые характеры знало то время! Карл Андреевич Шильдер, прадед, — генерал-адъютант, выдающийся военный инженер. К числу его изобретений, как сообщается в Энциклопедическом словаре, относятся разнообразные приемы инженерной атаки и обороны, подводные лодки и мины. Замечательна его деятельность как организатора и инициатора крепостных маневров, что потом было использовано при обороне Севастополя. Получив боевое крещение под Аустерлицем, он еще в возрасте семидесяти лет — боевой генерал, участвует в боевых походах и погибает в 1854 году в Дунайскую кампанию.

Имя деда, Николая Карловича Шильдера, сейчас все чаще мелькает на страницах популярных изданий. На него ссылаются как на автора работ по истории России, жизнеописаний русских полководцев и императоров. Отец, Николай Антонович Вендланд, служил в Петербурге в Адмиралтействе. Интересно, что он имеет определенное отношение к отмечаемому ныне 150-летию фотографии — ведь он один из пионеров цветной фотографии в России. За несколько лет до смерти митрополит Иоанн передал в архив журнала «Советское фото» цветные диапозитивы на стекле, сделанные его отцом в конце прошлого века. Это пейзажи средней полосы России, Крыма, Швейцарии. А лет двадцать назад в Одесском музее он увидел картину художника Буковецкого «Фотограф-любитель», написанную в 1894 году, на которой узнал своего отца. Но музейные работники так напугались его облачения, что попытка что-то выяснить об истории картины не увенчалась успехом.

Его мать, Нина Петровна (урожденная Кашнева), была очень образованная женщина. Она прекрасно рисовала, играла на фортепиано. Музыка окружала детей с самого рождения. Семья Вендландов была дружная и очень любящая. Росли две дочери, Елизавета и Евгения, и долгожданный сын Константин. Родители были православными верующими. В воспоминаниях о своих детских годах Владыка писал о том, как, объясняя детям молитву «Отче наш», мать особенно подчеркивала, что «мы молимся мой», «хлеб наш насущный даждь нам днесь», а не «дай мне». Думать о всех людях, отмечал митрополит, было девизом Нины Петровны. Она учила детей никогда не говорить: «Это моя игрушка», «Это мой молоток». Надо было сказать: «Наш молоток!» Такие принципы воспитывали нестяжательство.

Да, это была настоящая интеллигентная семья. Путаница в подходе к людям, которую внес так называемый классовый подход, затрудняет вообразить многое из их образа жизни. Например, в традициях такой семьи было пренебрегать накоплением материальных благ. Упорно трудились и взрослые, и дети. Кроме занятий музыкой, языками, науками, они обязательно учились какому-то ремеслу. «Папа вчера подарил мне верстак и два рубанка... Папа, вернувшись из Петербурга, привез мне пилу, две стамески и угольник...»

Эти строки из детского письма старшей сестры Владыки — Елизаветы, которая до старости любила столярничать. Первое сознательное проявление религиозного чувства, вспоминал Владыка Иоанн, возникло у него очень рано, в возрасте трех лет. Он испытывал чувство блаженства, когда мама, уложив его в постель, осеняла крестным знаменем. Не обошлось и без курьеза. Узнав о Страшном Суде, что Христос поставит на левую сторону, а затем отправит в ад тех, кто не творил милостыню, ребенок загорелся страстным желанием что-то сделать для обездоленных. Но как? Денег нет. А между тем в родительской спальне на столике лежит рассыпанная серебряная мелочь. Он тайком сгреб ее в карман, намереваясь раздать нищим у церкви. Возмездие пришло слишком скоро, и вместо того, чтоб стать кандидатом на правую сторону, он стал «презренным вором» и, не умея ничего объяснить взрослым, только плакал от обиды.

Но настоящее духовное прозрение пришло к нему со смертью отца. Отец умер очень рано — от неизлечимой болезни. Великое горе охватило семью, в которой осталось трое маленьких детей. И в момент панихиды, которую Костя впервые услышал именно возле смертного одра своего отца, он осознал, что вера в Христа дает надежду на жизнь после смерти. По его собственным словам, он был потрясен и утешен: «Папа перешел туда, где <<праведницы сияют яко светила>>. Папа живет!>>

События жизни митрополита Иоанна опровергают расхожее представление о том, что служители церкви живут жизнью изолированной, отрешенной от общих забот. Константин Николаевич Вендланд закончил Ленинградский горный институт. Учился он блестяще. По мнению учителей, известных геологов В. А. Николаева и В. П. Лодочникова, в студенческом кругу наиболее выделялись своими способностями двое — К. Н. Вендланд и В. С. Соболев. Последний стал академиком, крупным ученым, теоретически предсказавшим возможность нахождения в Сибири крупных месторождений алмазов.

После окончания института Константин Вендланд работал на Урале, а потом много лет в Средней Азии. (В. А. Николаев считал его своим любимым и наиболее талантливым учеником. Получив кафедру в Ташкенте, он пригласил Константина Николаевича к себе в ассистенты). В Ташкенте будущий митрополит преподавал геологию, читал лекции, вел практические занятия по петрологии в индустриальном институте и на геологическом факультете университета. Защитил диссертацию на соискание кандидата геолого-минералогических наук: «Петрология вулканических толщ Приташкентского района».

Из его записей тех лет: «Азиатские горы, тяготеющие к Ташкенту, — это что-то особенное! Они достаточно велики, чтобы быть величественными, и в то же время не слишком грандиозны и не подавляют человека. В этих горах само собой образуется особое душевное состояние. Позади остаются искушения и

суэта мира сего, душа очищается, какое-то святое безмолвие охватывает ее, и она видит и слышит Божию красоту окружающего мира. Это я очень хорошо чувствовал каждое лето, проведенное на геологической работе, особенно в Приташкентском районе».

Во время войны он искал в этих горах вольфрам и молибден, необходимые оборонной промышленности, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». За сравнительно короткий период Константин Николаевич Вендланд сумел создать свою школу геологов-петрографов. Некоторые его ученики стали крупнейшими учеными, возглавляющими научную геологическую службу в национальных республиках бывшего СССР. Его концепции и прогнозные оценки находят подтверждение и при современном уровне исследований. Его труды цитируются, и на него ссылаются.

Константин Николаевич всегда живо интересовался общими вопросами геологии и естествознания в целом. В первой половине сороковых годов у него возникло представление о земной коре, как о закономерной ассоциации геологических тел разной формы, состава и свойств. Новизна идей и постановка вопроса вызвала некоторую растерянность у присутствующих при защите научного отчета в Ташкенте сразу после войны. Сам же доклад он делал в Москве, уже будучи монахом Троице-Сергиевой Лавры. Известие о его священстве уже дошло до геологических кругов Москвы. Это была эпоха Жданова и Лысенко. Доклад был разгромлен с идеологических позиций. Геологу К. Н. Вендланду рисовалось возникновение нового раздела геологических наук — учение о геологических телах. Он является, по существу, забытым предтечей учения о геологических формациях и стратиграфической геофизике, получившего развитие в последующие десятилетия. Но, уйдя на церковное служение, он уже не принимал участия в их разработке. Его товарищ по Горному институту академик Владимир Степанович Соболев сокрушался: «Ушел в попы, пропал для науки, академиком мог бы стать».

О реке жизни под названием «Геология» его коллегами и учениками создана рукописная книга воспоминаний. Мария Николаевна Соловьева, специалист Геологического института АН СССР, председатель Всесоюзной комиссии по микропалеонтологии, в военные годы училась в Ташкенте, и одним из ее преподавателей был будущий митрополит Иоанн.

«Константин Николаевич, — вспоминала она, — был талантливым педагогом. Притягательная сила его складывалась из блистательного владения материалом в сочетании с удивительными личностными качествами, чего не могла не понять и не оценить истерзанная войной и полуголодная студенческая аудитория. Читал он вдохновенно. У него был прекрасный выразительный голос. Он не держался отчужденно, но и не заискивал, чем грешат часто в поисках популярности иные лекторы. Он уважал нас, и это сказывалось в его всегда безукоризненной подготовленности к лекциям. Одет он был очень скромно, если не сказать бедно: телогрейка, горные ботинки. Худ был невероятно. Без преувеличения, все учившиеся у него и все работающие с ним любили и уважали его».

Он много занимался с детьми. Сохранился альбом с надписью на титульном листе: «К. Н. Вендланду от юных геологов Дворца пионеров». Константин Николаевич руководил этим кружком в течение шести лет. Зимой школьники изучали теорию, а летом ходили в экспедиции. На пожелтевшей фотографии — молодой человек высокого роста, худощавый, белая рубашка, ремешок через плечо. Вокруг ребята — русские, узбеки. Константин Николаевич помогал семьям репрессированных, которых в Ташкенте было множество.

Вклад К. Н. Вендланда в геологию Средней Азии весьма значительный. Кроме решения множества частных вопросов, им сделаны крупные научные обобщения о строении и происхождении массивов изверженных пород Западного Тянь-Шаня, основанные в значительной мере на данных собственных исследований. Они опубликованы в написанных им главах фундаментальных коллективных монографий, Трудах Среднеазиатского индустриального института, журналах, сборниках, бюллетенях.

Геологическое прошлое не отпускало его всю жизнь. Как и не отпускала любимая Средняя Азия, где он побывал дважды уже на рубеже 70-х годов. Прошлое — это и родные могилы, и воспоминания о праведных трудах, и дорогая земля. «Ташкент мы проезжали ночью. Все мы встали и поклонились городу, в котором прожили двадцать лет своей жизни».

Дважды Константин Николаевич Вендланд был делегатом Международного геологического конгресса, самого представительного форума, на который собирается весь цвет мировой геологии. Один раз в 1937 году, работая геологом. И второй раз в 1984 году. Церковь тогда была не в чести. И тем не менее организаторы 27-го Международного геологического конгресса в Москве пригласили митрополита Иоанна в качестве действительного участника. В списке делегатов напротив его фамилии указано место работы — Московская Патриархия.

Будучи геологом, он с 1933 года — тайный монах. На попечении Константина Николаевича находился его духовный отец — будущий митрополит Гурий, а тогда заключенный, вернувшийся со строительства Беломорканала.

Со своим духовным отцом, сыгравшим огромную роль в его жизни, Константин Вендланд познакомился еще в Ленинграде в студенческие годы. Там образовался кружок молодых людей, посещающих службы в киновии Александро-Невской Лавры, упоительнейшем уголке на правом берегу

Невы. В конце двадцатых годов настоятелем этого приходского храма был отец Гурий. Собирались там Лев Поляков (в последние годы жизни — митрополит Рижский Леонид), Никита Мещерский, ставший профессором древнерусского языка, Мария Богданова, занимавшаяся тогда биологией рыб, брат и сестры Вендланды. Штатного псаломщика в храме не было. Эту обязанность взял на себя юный Константин Вендланд. Ему нужно было ежедневно ехать через весь город на трамвае, затем переплывать на пароходике на другой берег Невы и приходить в храм раньше священника. Не было случая, чтоб он опоздал или не пришел. К моменту прихода священника он шел звонить на колокольню, а затем читал часы и один пел на клиросе Божественную Литургию. Редко кто еще приходил на клирос в будни. Затем он ехал через Неву и весь город на работу и учебу. И так каждый день. Этот порядок мог нарушиться лишь выездом на полевые работы.

После шестилетнего пребывания за религиозную деятельность на Беломорканале отец Гурий не смог вернуться в Ленинград. Тут как раз и подоспело предложение профессора Виктора Арсеньевича Николаева молодому Константину Вендланду занять должность ассистента кафедры петрографии Ташкентского индустриального института. Отец Гурий нашел это предложение прекрасным, и оба они поехали в Ташкент. Вскоре туда приехали мама и сестры Константина Николаевича — врач-терапевт Елизавета Николаевна и агроном Евгения Николаевна, и еще несколько духовных детей отца Гурия. Поселились все в небольшом доме, стараясь подражать во всем первохристианской общине.

Впоследствии митрополит Иоанн так вспоминал это время: «Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой стороны, активно гражданской. До сих пор я считаю такое соединение самым лучшим, чего мне хотелось бы. Только весьма своеобразные условия тридцатых годов позволили жить так, как жили мы. Мы не афишировали своей церковности. Это достигалось легко, потому что мы не были болтливы, а в гражданской жизни работали очень напряженно».

Осторожность эта была тем более необходима, что примеры преследования со стороны властей были перед глазами. В Ташкенте в это время служба шла только на кладбище, в небольшой часовне. Под открытым небом собирались православные верующие. Как вспоминал Владыка, среди толпы можно было увидеть величественную фигуру архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. В то время он не служил, а работал профессором Ташкентского мединститута. Его арестовывали трижды, и он оказывался то в тюрьме, то в далекой заполярной ссылке. Хирурги знают его «Очерки гнойной хирургии», за которые в 1946 году архиепископу Тамбовскому Луке была присуждена Сталинская премия первой степени.

Были и другие печальные и трагические судьбы. В 1935 году по пути в Ленинград Константин Вендланд по просьбе отца Гурия заехал в Старую Руссу к его другу епископу Иннокентию Тихонову. В то время только что закончились вынужденные странствия епископа по Сибири, в которых его не покидала любящая мать. В 1938 году епископа Иннокентия перевели в Винницу в сане архиепископа, но, прослужив там около года, он вынужден был опять не по своей воле поселиться в сибирских лесах. Мать его туда уже не смогла поехать, а вернулась в Старую Руссу. В 1941 году она погибла от фашистской бомбы, а архиепископ Иннокентий исчез в сталинских лагерях.

Сразу после Победы, посчитав свой гражданский долг исполненным, Константин Вендланд выходит из келейного состояния к церковному служению. К тому времени он был известным в Ташкентском управлении геологом почти с двадцатилетним стажем полевых работ. Причину ухода он назвал действительную, что потребовало немало мужества. Иеромонах Иоанн был назначен священником собора в Ташкенте. Из института он уволился, а вот из Геологического управления не отпустили — надо было написать отчет о летних полевых работах. В своих воспоминаниях он записал:

«Жалование я продолжал получать в Геологическом управлении. Это было замечательное время! Я еще работал в области геологии и в то же время служил священником. Получилось как раз то, что я хотел!».

Потом были Троице-Сергиева Лавра, Саратов, ректорство в Киевской духовной семинарии. И многолетняя служба за границей, чему способствовало знание нескольких языков. В Дамаске он представлял Московскую Патриархию, и у него было двенадцать приходов — шесть в Сирии и шесть в Ливане. В Берлине, будучи Патриаршим Экзархом Средней Европы, руководил работой православных церквей нескольких европейских стран. С 1962 по 1967 год он — митрополит Нью-Йоркский и Алеутский, Патриарший Экзарх Северной и Южной Америки. В Ярославль приехал сразу после США.

Церковная деятельность митрополита Иоанна отмечена патриаршими наградами: орденом святого князя Владимира II степени. Преподобного Сергия Радонежского и II степени, правом ношения двух панагий. Блаженнейший Патриарх Антиохийский Феодосий наградил его орденом святых апостолов Петра и Павла, Патриарх Александрийский Христофор — орденом святого апостола Марка, блаженнейший митрополит Пражский и всей Чехословакии Дорофей — орденом святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Его трудовая деятельность геолога отмечена правительственными наградами. За миротворческую деятельность Владыка Иоанн награжден двумя медалями Советского Фонда мира, серебряной и бронзовой.

В Переславле-Залесском митрополит Иоанн еще в начале шестидесятых годов купил небольшой домик, не зная тогда, что жизненный путь приведет его в Ярославскую епархию. Пока он был в США, там жила его сестра — Елизавета Николаевна Вендланд, тоже человек удивительной судьбы. Врач-терапевт,

участник войны, в составе Войска Польского прошла с госпиталями от Сталинграда до города Быдгощ. Награждена Польским Крестом. Монахиня. «Сегодня воздух в Нью-Йорке был почти такой же свежий, как в переславском лесу», — писал митрополит Иоанн сестре на родину. В Переславле их многие знали просто как добрых соседей.

Ярославцам будет интересно узнать об истории написания митрополитом Иоанном работы о князе Федоре Черном. Вскоре после того, как митрополит Иоанн приехал из США в Ярославль, в газете «Северный рабочий» была напечатана статья местного атеиста — преподавателя вуза, написанная в традициях того времени. Дескать, что же это получается! Церковники в своих проповедях говорят о каком-то Федоре Черном — лампада! Да разве русский народ назовет что-нибудь хорошее — черным? Конечно, доктор богословия не мог включиться в полемику, его бы просто не опубликовали. Но заметка подтолкнула Владыку к подробному изучению жизни ярославского князя XIII века. Добавим, что в год 1000-летия принятия на Руси христианства мощи благоверных князей Федора Смоленского и чад его, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, несколько десятилетий до этого хранившиеся под спудом, были переданы Церкви и теперь находятся в кафедральном соборе Федоровской Божьей Матери и доступны всем верующим.

Все годы, проведенные митрополитом Иоанном в Ярославле, были отданы Церкви, епархии. Он заботился, чтобы приходы не оставались без священников, особенно в глубинке, что в то время было не так уж легко. Им было рукоположено много достойных прекрасных пастырей, людей, имевших хорошее светское образование. Он был равен со всеми людьми. Все в его доме чувствовали себя братьями и сестрами. Как у человека высокой культуры и интеллекта, круг интересов Владыки Иоанна был очень широк. Это сближало его с людьми образованными и интеллигентными. Им было легко с ним общаться. Он никому не навязывал своего мнения, но, может быть, именно поэтому многих привлек к вере, что всем светил своей личностью.

Люди, знающие митрополита Иоанна, свидетельствуют, что он никогда никого не осуждал, ни о ком не говорил плохо. «Когда я учился в школе, — вспоминал он, — мы проходили стихотворение Лермонтова «Пророк». Еще тогда меня поразило, что Пророк читал в сердцах людей их мысли и пороки. И тогда еще ребенком я ужаснулся: какой это страшный дар — читать пороки! Господи, никогда не давай мне такого дара! — со всем жаром помолился я тогда. И, видно, искренняя молитва была услышана. Я действительно не стал замечать пороки и плохое в людях. Для меня все люди кажутся хорошими, я не вижу их недостатков». И это неосуждение было у Владыки Иоанна совершенно естественным, дававшееся ему без внутреннего усилия и борьбы.

Он любил людей братской любовью и сам снискал их большую любовь как выдающийся духовный пастырь и богослов, и как ученый, и как просто добрый человек. Каждая встреча с ним оставляла в душе светлый след и запоминалась надолго.

Последние месяцы по нездоровью он уже не выходил из дома. Но зато многие приходили, приезжали к нему: верующие и неверующие, церковные служители и товарищи по гражданской работе. Он много писал, переводил, живо интересовался всем происходящим.

Оставшееся после него наследство, согласно его желанию, протекло по двум рекам: иконы — в церковь, книги — в библиотеку Духовной Академии и в музей-заповедник, пожертвования — на восстановление Толгского монастыря и в Детский фонд, Фонд мира. Его акварельные работы переданы в Ярославский художественный музей. А похоронен он возле кафедрального собора, в центре одной из самых древних епархий России — Ярославской.

Перед самой смертью на столе Владыки Иоанна среди прочих была книга о докторе Гаазе, немце, много лет прослужившем в России. Этот человек раздал свое имущество бедным и все силы отдал на служение людям, руководствуясь девизом: «Спешите делать добро».

«Книгу о нем я купил в Германии. Видите, немцы о нем помнят, а мы позабыли, — говорил Владыка Иоанн. — Образцы такого благочестия должны всегда быть в нашей памяти».

Сегодня, когда мы все чаще оглядываемся в прошлое, далекое и близкое, и в его нравственном опыте ищем ответы на вопросы, надо, чтоб пример благочестивой жизни митрополита Иоанна, девяностого архиерея Ярославской епархии, остался в нашей памяти.

Нравственно–философские аспекты творчества Лермонтова и Достоевского: богоискательство и идея вседозволенности

Фролова М.В., аспирантка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Данный доклад составлен на основе магистерской диссертации «Художественное воплощение идеи вседозволенности в творчестве М.Ю. Лермонтова и романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». Проведенное нами исследование позволяет говорить о близости писателей в постановке и разрешении целого ряда литературно-философских проблем. Лермонтова и Достоевского сближает общность проблематики: борьба добра и зла, демонического и божественного начал в душе человека, сладострастия и

смирения, пошлости обывательского быта и живущих идеей людей. Мы считаем возможным говорить, что существует определенная общность духовных поисков писателей, которая реализовалась в их произведениях в сходстве используемых мотивов: идея героя и ее переосмысление двойником, мотив пощенины и кризисной ситуации смерти. Это внешний план бытования лермонтовской традиции в наследии Достоевского. Черты сходства и отличия внутреннего мира Лермонтова и Достоевского обнаруживаются в работах философов рубежа веков Соловьева и Мережковского. Можно отметить ряд реминисценций лермонтовского творчества в произведениях Достоевского, демонстрирующих, что творения поэта являлись не только художественным, но и философским источником для формирования творчества писателя. Мы считаем возможным говорить о том, что в творчестве М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского нашла художественное воплощение общая философская идея: идея вседозволенности.

Лермонтов был первым русским писателем, по мнению Д. Мережковского, который поднял вопрос о возможности одновременного существования зла и Бога. Для Достоевского эта проблема являлась основной на протяжении всего творчества, и последний роман писателя «Братья Карамазовы» посвящен ее разрешению. Лирический герой поэзии Лермонтова, как и Иван Карамазов, выражает свое резко негативное отношение к действительности, в которой царят жестокость и злоба, предательство и ложь. Зло мыслится ими как вневременной, онтологический закон земного бытия и мироустройства. Лирический герой восстает против Бога. Ведь именно наличие этого трансцендентного начала мешает ему заявить о себе как о сверхчеловеке, и поэтому он начинает последовательно развенчивать Высшее начало: обвиняет Творца в неправильном устройстве мира, желает собственной смерти как способа перехода в иной мир, где все явления носят вневременной, постоянный характер. Мы показали, что в пока еще продолжающемся земном существовании герой ставит себя на место Бога, главным образом, принимая во внимание такие прерогативы Высшей силы, как управление жизненными обстоятельствами и свершение собственного суда над людьми, которые не воспринимаются вершинным актом творения, созданного по образу и подобию Бога, но как существа, исполненные и живущие лишь совершаемым ими злом, а потому недостойные какой-либо положительной оценки и сколько-нибудь пристального внимания. Лирический герой погружается в глубины вседозволенности: душа, лишившаяся Бога, создает новый предмет для абсолютной веры - самого себя. Именно в связи с этим появляется образ Демона, столь сильно интересовавший поэта. Лермонтов впервые в русской литературе показал возможность двойного изображения образа, персонифицирующего злое начало. В романтически возвышенном, гипертрофированно - приукрашенном виде - фигура Демона из одноименной поэмы и в сниженно - бытовом: черт из «Сказки для детей». Именно этот не обретший еще своего зримого воплощения герой «Сказки» становится для Достоевского средоточием всего пошлого, низкого, сладострастного, которое явится в облике «лакея» - черта Ивана Карамазова. Причем принципиально новой была не только трактовка старого образа, но и истолкование его философского наполнения.

Лермонтовский демонизм и богоборчество являются одной из составляющих философских воззрений Достоевского. Демон «Сказки для детей» трансформировался в черта, а богоборчество Иова, проявляющееся в лермонтовской «тяжбе с Богом» реализовалось в полной мере в бунте Ивана Карамазова. Такие базисные компоненты вседозволенности, как абсолютная свобода, гордость и исключительность, осознание амбивалентности добра и зла, их взаимообратимости и нерасчлененности, на основе которых декларируются героем собственные морально - этические принципы, детерминирующие свободу мыслей и действий, - являются компонентами авторского построения образа Печорина. Автор показывает, что герой сознательно обращается ко злу, но этот выбор остается внутренне противоречивым. В «Фаталисте» герой получает последнюю возможность доказать, что он может управлять обстоятельствами и собственной судьбой. Проанализировав структуру повести, мы сделали вывод, что будучи абсолютно свободным в своих действиях, Печорин не свободен в их последствиях, а именно из них складывается роковая закономерность, что бы он ни задумал, все кончается драматически для него и других. В сущности, его действия, направленные на достижение положительного результата, приносят вред и автор показывает, что не герой управляет своей жизнью, а существует нечто, стоящее над ним. Исходя из этого, мы считаем, что нельзя говорить о богоискательстве героя, ему присуща подлинная вера в существование некоей трансцендентной сущности.

Фатализм является основой построения образа главного героя, кольцевая композиция произведения, демонстрация изначальной обреченности Печорина и усиление мотива его смирения перед Богом, воплощающиеся в рефлексии, свидетельствуют о воплощенной в данном произведении идеи признания и принятия Высшей силы. В лирике Лермонтова и поэме «Демон» мы находим наиболее ярко проявляющуюся идею вседозволенности. Но нами была отмечена и существенная значимость богоискательских мотивов в лироэпическом творчестве («Когда волнуется желтеющая нива...»), а мотив фатализма в романе «Герой нашего времени» воплощает собой признание существования надмирной сущности, интуитивной веры и смирения перед ней.

Мы считаем уместным говорить, что Достоевский усвоил лермонтовское наследие и переосмыслил его в итоговом романе «Братья Карамазовы». Идея вседозволенности в романе Достоевского воплощается в следующих вариантах:

- вседозволенность чувства Дмитрия;
- на философском уровне вседозволенность реализуется в построениях рационального сознания

Ивана;

- на конкретно - бытовом ее воплощает лакей Смердяков.

Исследование фамилии Смердякова, обнаруженные аналогии судеб героя романа и Иуды, своеобразное преломление мотива света демонстрируют невозможность для данного героя возрождения к новой жизни, которая существует для других братьев.

В своем персонифицированном виде идея вседозволенности предстает в мистическом образе черта. Мотив раздвоенного сознания был подробно рассмотрен еще Лермонтовым, но у Достоевского это положение было трансформировано в осуществленную возможность диалога сознаний, воплощения рефлексии одного в виде спора двух.

Автор демонстрирует всю разрушительную силу этой идеи, приводящей к торжеству мирового зла, но главный ее теоретик - Иван - не приходит к ее полному отрицанию. Группе героев, поглощенных этой мыслительной моделью и связанных с мировым злом, противопоставляются два героя, представляющих православные религиозные принципы соборности, всепрощения и любви: Зосима и Алеша.

Пространственные и темпоральные координаты имеют особую художественную и философскую значимость для Достоевского в решении проблемы подчинения и преодоления героями романа идеи вседозволенности. Пространственные характеристики автор использует для четкого выражения позиции персонажа по принятию и ниспровержению идеи вседозволенности, реализуемой в принадлежности героев к городу Скотопригоньевску с центром в доме Карамазова или монастырю с кельей Зосимы, а шире к небу и земле, воплощающих собой дуализм Хаоса и Космоса.

Мы отметили, что с тремя героями романа - Дмитрием, Алешей и Иваном - связано упоминание автором временной категории «минутка». Для Достоевского характерно двойственное понимание природы времени. С одной стороны, «минутка» является категорией земного исчисления, а, с другой, обозначает момент прерывания обычного течения времени, открытия его в вечность. Для старшего и младшего из братьев «минутка» является своеобразным рубежом, демонстрирует два диаметральных явления в процессе развития персонажей: падение и возрождение, торжество идеи вседозволенности и ее гибель. Божественный призыв и ответ на него, символически реализуемый в колокольном звоне. Иван Федорович оказывается приобщен только к первой минуте торжества идеи вседозволенности. Идея вседозволенности получает художественное воплощение и на уровне темпоральных координат, именно категория «минутки» помогает Достоевскому соединить уровень исторической конкретики с мифопоэтическим, оборачиваясь в вечность времени притчи.

Т.о., столь разных в жизненном плане и в плане поэтики писателей как М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского характеризует общность духовной проблематики, близость в постановке и разрешении сложнейших философских вопросов о добре и зле, Боге и бессмертии и тождество анализируемых тем: богоискательство и идея вседозволенности. Мы не рассматриваем обращение к данной идее обоих писателей как следствие прямого влияния одного художника на другого, но несомненно, что Достоевский учитывал и развивал художественные открытия, совершенные Лермонтовым.

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»

Сударушкин Б., член Союза писателей России, зам. главного редактора
журнала "Русь". пос. Семибратово

Я жить хотел – как ветер над волной...

О.П. Попов

3 февраля 2000 года в поселке Семибратово скончался Олег Пантелеймонович Попов - человек, через всю жизнь пронесший любовь к творчеству М. Ю. Лермонтова, один из авторов "Лермонтовской энциклопедии". На долю этого талантливого человека выпала очень сложная, извилистая судьба. Оказавшись во время Великой Отечественной войны в Пятигорске, он совершил проступок перед Родиной - стал полицаем. И здесь же, в Пятигорске, он совершил поступок, достойный уважения и признательности - спас от уничтожения знаменитый домик Лермонтова, при этом использовав свое "служебное положение" полицая. Однако советская власть приняла во внимание только проступок - и Олег Пантелеймонович был осужден на 20 лет лагерей. Хотя он отбыл свой срок наполовину, этого было достаточно, чтобы искорежить его судьбу. Однако она была бы еще трагичней, если бы в лагере Олег Пантелеймонович не встретил свою будущую супругу.

Тамара Борисовна Ярошенко умерла за полгода до Олега Пантелеймоновича. Лагерные болезни не позволили ему встать с кровати и проводить жену в последний путь. Он проводил ее иначе: когда гроб с телом супруги поднесли к окну его квартиры, запел:

Выхожу один я на дорогу,

Можно предположить, что между супругами была такая договоренность - когда один умрет, другой исполнит именно эту песню на слова поэта, любовь к которому была их общей любовью.

В лагере, где отбывал свой срок Олег Пантелеймонович, Тамара Борисовна работала учителем. Культурная и образованная девушка не могла не заметить человека, который резко отличался от других "зеков". Да и сама она плохо вписывалась в лагерную обстановку и в трудовой коллектив, охранявший и перевоспитывавший заключенных. Поэтому не удивительно, что молодых людей потянуло друг к другу, несмотря на все препятствия, которые встали на их пути. И здесь, конечно, в первую очередь надо отметить мужество сердца и характера Тамары Борисовны. Не будет преувеличением сказать, что эта хрупкая женщина совершила подвиг, сравнимый с подвигом декабристок. Целиком благодаря ее энергии Олег Пантелеймонович смог заниматься лермонтоведением даже в заключении. Больше того, в Воркуте какими-то способами ей удавалось "выпрашивать" Олега Пантелеймоновича у лагерного руководства, чтобы он смог принимать участие в проходящих в Ленинграде лермонтовских конференциях, в результате чего он и стал автором "Лермонтовской энциклопедии".

Конечно, все это было бы невозможно, если бы не талант и разносторонность творческих интересов Олега Пантелеймоновича: помимо профессионального занятия литературоведением, он неплохо рисовал, занимался художественной фотографией, писал стихи, которые никак нельзя назвать любительскими. Чтобы все эти таланты не пропали даром, судьба, вероятно, и наградила его ангелом-хранителем в лице Тамары Борисовны. Сразу, как только стало возможно, она задалась целью увезти мужа из Воркуты, с которой у него были связаны мрачные лагерные воспоминания. Уже после смерти Олега Пантелеймоновича мне удалось познакомиться с его стихами. В стихотворении "Седьмое небо" он так написал о воркутинском кладбище с этим же названием:

Кресты унылые, фанерный полумесяц
И имя нацарапано гвоздем.
Грустят ромашки,
Над могилой свесясь,
Над чьей? Они не ведают о том...
Плывут неспешно с юга облака,
Как эшелоны с юга шли когда-то.
Печальна здесь земля,
Хотя она ни в чем не виновата.

Печальна и горька была память Олега Пантелеймоновича о воркутинской земле, в глубине которой он вместе с другими "зеками" столько долгих лет прокладывал бесконечные шахты.

К этому времени у них уже была своя отдельная квартира, которую они и решили обменять. Искали вариант возле Москвы – поближе к журналам и издательствам, чтобы Олег Пантелеймонович наконец-то смог целиком реализовать свои творческие планы. Так они оказались в Семибратове.

Литературоведческие работы Олега Пантелеймоновича стали появляться в московском журнале "Русская речь", в таких региональных изданиях, как выходящий в Ярославле журнал "Русь", и "Сура", прописанный в Пензе, на родине М. Ю. Лермонтова. При этом интересы Олега Пантелеймоновича не ограничивались только жизнью и творчеством любимого поэта.

"С природой одною он жизнью дышал..." - так называлась статья

О.П. Попова о природе в стихах М. Ю. Лермонтова, опубликованная в журнале "Русь". Редактор биографического отдела «Лермонтовской энциклопедии» Л. Н. Назарова так отозвалась об этой работе: "Я думаю, что еще никто не писал на эту тему так проникновенно" ("Русь", N 5-96).

Незадолго до этого в том же журнале была опубликована статья О. П. Попова «Тайная сила» - о природе в стихах Анны Ахматовой ("Русь", № 1-96). Проходит некоторое время – и в статье «Поэт, державший стяг во имя красоты» Олег Пантелеймонович обращается к творчеству Алексея Константиновича Толстого («Русь», № 3-97). Творчество этого талантливого, но «непопулярного» поэта не отпускает литературоведа - и он пишет "Заметки о языке поэзии А. К. Толстого." ("Русская речь", № 6-99). В следующем номере этого журнала публикует эссе "Четыре скрипки", в котором, помимо творчества А.К. Толстого, касается творчества Иннокентия Анненского, Николая Гумилева и Булата Окуджавы.

Уже после смерти Олега Пантелеймоновича в журнале "Русская речь" выходит его посмертная работа "Чего кочет "жалкий человек" - "опыт анализа сочинений" Н.С. Мартынова, убийцы М. Ю. Лермонтова. («Русская речь», № 4-2000). В журнале "Русь" тоже посмертно появляется его работа "Загадки Лермонтова", в которой он изложил целую программу дальнейшего изучения жизни и творчества любимого поэта. (Номер журнала не напечатан в связи с финансовыми трудностями).

Здесь названы не все опубликованные (тем более – ненапечатанные) работы О.П. Попова - были еще статьи в журнале "Сура", в областных и районных газетах. К этим публикациям Олег Пантелеймонович относился с такой же ответственностью, как и к публикациям в центральных изданиях. В этом - весь Олег Пантелеймонович, для которого литература была делом святым, нечто вроде религии.

И все-таки, наверное, из Воркуты будущая жизнь представлялась Олегу Пантелеймоновичу и Тамаре

Борисовне более светлой и содержательной, чем она оказалась в действительности, когда они приехали в Семибратово. Не хватало общения с людьми, близкими по духу, профессионально занимающимися литературой. Поэтому такое большое место в их жизни занимали письма. Но это, конечно, не заменяло живого общения...

Сейчас уже трудно сказать, кто из них первым подал мысль создать при Семибратовской поселковой библиотеке Клуб любителей поэзии. Скорее всего - это было их общее детище: Тамара Борисовна взяла на себя организационную сторону дела, Олег Пантелеймонович - содержательную. Сохранились рабочие дневники Клуба любителей поэзии, которые в течение 15 лет аккуратно вел Олег Пантелеймонович. Перечитываешь эти записи - и еще раз поражаешься его добросовестности и широте культуры. Трудно назвать имя талантливого русского поэта, чье творчество не рассматривалось бы членами этого небольшого литературного кружка, объединившего людей разных специальностей, возрастов, образования. Я разговаривал с некоторыми членами этого кружка, и все в один голос восхищались эрудицией Олега Пантелеймоновича, его удивительным знанием творчества всех этих поэтов, его уникальной памятью - почти все их произведения он читал наизусть.

На одном из таких занятий он прочитал собственные стихи. После смерти тетрадь стихотворений Олега Пантелеймоновича по его завещанию была отправлена в Пяигорск - его первой жене. В Семибратове осталось всего несколько стихотворений, написанных его собственной рукой. Но, к счастью, одна из слушательниц Клуба любителей поэзии переписала большую часть его поэтических произведений в общую тетрадь, которые я перепечатал, добавив стихи, написанные рукой Олега Пантелеймоновича. Можно сказать, что это своеобразный поэтический дневник, в котором отразились факты биографии, размышления о жизни, признания в любви к природе и поэзии. Вместе с тем в своих стихах Олег Пантелеймонович не претендует на роль оракула или судьи. В стихотворении "Стихи о поэзии слушаю я..." он несколько иронично пишет:

Мы солим краюху, чтоб легче жевалась,
Чтоб легче жилось, ищем капельку лжи.
И черствую правду нам хочется малость
Приправить поэзией - солью души.

Но одновременно здесь же присутствуют стихи, как бы вырвавшиеся наружу после долгих лет утайвания:

Я тебя не люблю. Но и жить без тебя не могу.
Без тебя и с тобой мое сердце жестоко болит.
Я, как руку больную, ласкаю тебя, берегу,
Хоть заранее знаю, что боль мне она причинит.

А через несколько страниц - в стихотворении «Гулливер» - опять горькая ирония человека, которому досталась тяжкая судьба:

Этот страшный мир вполне постигнув,
Не ищу приюта у людей.
Мне б опять попасть в страну гуингмов –
Справедливых, мудрых лошадей.

Желание уйти в природу, спрятаться в ней от воспоминаний и действительности звучит во многих стихах Олега Пантелеймоновича. Но в этих же стихах звучит и другое - восхищение перед ее красотой и совершенством. Здесь его стихи вплотную примыкают к его литературоведческим работам, написанным с огромной любовью к литературе и ее служителям, которых Природа щедро одарила талантом. Таким образом, есть все для того, чтобы выпустить книгу произведений О. П. Попова, включающую в себя его литературоведческие работы, стихи и развернутый рассказ о трудной, неординарной судьбе автора. Дело осталось за небольшим - найти средства для издания этой книги.

За рамками моего рассказа осталось многое, что, возможно, представляет интерес для читателей. "Он спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги" - так называлась статья Юлиана Надеждина в газете "Северный край", опубликованная в 1998 году, в которой впервые освещалась судьба Олега Пантелеймоновича. Увы, как ни эффектно звучит заголовок статьи, 20 лет О.П. Попов получил не за то, что с риском для жизни спас домик Лермонтова, а за службу в полиции. Не знаю, как остальные читатели газеты, но многие семибратовцы, которые были хорошо знакомы с Олегом Пантелеймоновичем и Тамарой Борисовной, эту натяжку поняли сразу. Дело в том, что ни тот ни другой никогда не приоткрывали эту страницу биографии Олега Пантелеймоновича. Люди знали только одно: ну, сидел, мало ли порядочных людей томилось в сталинских лагерях. Я разговаривал с некоторыми бывшими членами Клуба любителей поэзии, которые до этого буквально боготворили Олега Пантелеймоновича. Для них эта статья была как обухом по голове. Совершил подвиг - спас домик Лермонтова - и молчал! Значит, на самом деле все было иначе. Особенно мне запомнились слова женщины, в годы войны оказавшейся в оккупации и своими

глазами видевшей "деятельность" полицейских. Я ни в коем случае ни в чем не виню автора этой статьи - чтобы понять, что произойдет после ее появления, ему минимум лет двадцать надо было прожить в Семибратове. И рискнул сделать одно предположение – эту статью он, в основном, написал со слов Тамары Борисовны, которая и здесь пыталась быть ангелом-хранителем Олега Пантелеймоновича.

"Дело для Божьего суда" - так называлась статья Эллы Максимовой в газете "Известия", опубликованная 23 декабря 1999 года, уже после смерти Тамары Борисовны, но еще при жизни Олега Пантелеймоновича. Однако его имя в статье не названо - он фигурирует в ней как некий НН, "для конспирации" не названо даже Семибратово. В этой статье акценты расставлены уже в других местах, правда приоткрыта больше, поскольку (опять сделаю предположение) вся былая скрытность исходила не от Олега Пантелеймоновича - он был человеком открытым, даже неосторожным. Их соседи вспоминали: когда Тамара Борисовна уходила из дома, она каждый раз предупреждала его, чтобы он никому не открывал дверь. А он отворял ее всем, кто звонил, отдавал цыганам, бомжам и нищим буквально последний рубль, последний кусок хлеба.

Такой же щедростью души отличалась и Тамара Борисовна. Из двух пенсий одна целиком уходила у них на животных и птиц, а их квартира представляла собой гостиницу для бездомных кошек. Тамара Борисовна буквально бросалась на помощь всем, кто попадал в беду, и делилась с ними последним. Единственное, что она всю жизнь берегла как самое ценное, никому в этом деле не доверяя, - это душевный покой мужа. Чтобы сохранить его, она в какой-то степени даже изолировала Олега Пантелеймоновича от любопытных людей. У многих семибратовцев, не только у меня, сложилось такое впечатление. Но вот Берегиня ушла из жизни - и Олег Пантелеймонович остается один. (Помните - "Выхожу один я на дорогу..."). И он начинает рассказывать то, что, возможно, ему хотелось выложить давно, сразу после освобождения из лагеря. Не знаю, чем руководствовалась московская журналистка, когда лишила его имени и фамилии. Может, сочувствием, может, осторожностью. Не совсем понятно и другое. Как мне сообщили, еще 14 апреля 2000 года (уже после смерти Олега Пантелеймоновича) в Семибратово пришли документы на его реабилитацию - а спустя полгода, 13 октября 2000 года, в газете "Северный край" появляется новая статья Ю. Надеждина "Ушел из жизни с клеймом "изменника", в которой выборочно пересказывается содержание статьи в "Известиях", но о реабилитации не сказано ни слова. История о том, как русский интеллигент пошел в полицию, чтобы спасти домик Лермонтова, в московской статье, написанной со слов самого Олега Пантелеймоновича, изложена несколько иначе, более убедительно.

В этой же московской статье впервые было рассказано о том, что до службы в полиции он сотрудничал в оккупационной газете "Пятигорское эхо", в которой писал не только антисоветские стихи, которые в нынешней политической обстановке можно расценить как особую доблесть и отвагу, но и другие. Много, о чем здесь не сказано, пришлось пережить Тамаре Борисовне, светлую память о которой хранят все, кто ее знал...

Судьба О.П. Попова не вписывается в стандартные, обычные рамки, поэтому писать о нем трудно, тем более - делать какие-то категоричные выводы, выносить оправдательный или обвинительный приговор. Пожалуй, журналистка из Москвы нашла наилучший заголовок для статьи об Олеге Пантелеймоновиче - "Дело для Божьего суда. . ." И все-таки один бесспорный для меня вывод, ознакомившись с его литературным наследием, я сделал - оно должно быть издано отдельной книгой и стать достоянием читателей. То есть его "дело" следует вынести на широкий суд присяжных. Талантливый человек, каким, несомненно, был Олег Пантелеймонович Попов, имеет на этот независимый и открытый суд полное право...